

ЖЕНЯ
ГРОМОВА

МОЙ БЕШЕНЫЙ
ПРОФЕССОР

Женя Громова

Мой бешеный профессор

«Литнет»

2025

Громова Ж.

Мой бешеный профессор / Ж. Громова — «Литнет», 2025

— Подписывай, — он придвинул ко мне папку с документами. — Ч-что это?
— Хотела быть эскортницей? — прорычал он. — Будешь. Но только моей. И как объяснить, что я вовсе этого не хотела?! Мне срочно нужны были деньги, чтобы коллекторы оставили маму в покое! У неё сердце слабое! Поэтому и согласилась на сомнительное предложение о “сопровождении”... Хорошо, что на том “ужине” оказался мой новый препод по праву — холодный, опасный и слишком привлекательный Профессор. Он спас меня! Правда теперь требует, чтобы я подписала договор... #ВлиятельныйБосс #НастоящийМужчина Книга участвует в литмобе "Горячий профессор"

Содержание

Глава 1. Нет выбора	5
Глава 2. Нет выбора 2.0	7
Арсений	9
Глава 3. Утро доброе	12
Глава 4. Трудовой договор	14
Глава 5. Он издевается!	18
Глава 6. Легенда	20
Глава 7. Легенда под угрозой	23
Глава 8. Кофе	26
Глава 9. Ветчина и сыр	30
Глава 10. Очень мокрая Лебедева	32
Глава 11. Сытный ужин	35
Глава 12. Не дёргай тигра за усы	39
Глава 13. Снова в его постели	42
Глава 14. Работа	46
Глава 15. Красота любимого дела	49
Глава 16. Пирог и чай с брусникой	52
Глава 17. Мечь продолжается!	54
Кира	57
Глава 18. Отдача	62
Глава 19. Сорвали стоп-кран	64
Глава 20. Девственница	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1. Нет выбора

Пальцы дрожали. И не от приятного волнения — от стыда.

Я впервые была в таком месте — хрусталь, белые салфетки, блестящие столовые приборы, выверенные улыбки официантов. Всё гладко, складно, симметрично...

И только я не к месту.

И я впервые так ненавидела себя за то, что совершаю.

— Расслабься, — шепнула девица из агентства, та, что встречала меня у входа. — Хотя... Даже хорошо, что ты нервничаешь. Такие, как он, любят невинных овечек. Просто слушай его, кивай и не задавай лишних вопросов.

Она исчезла, оставив меня за столиком одну.

Я попыталась успокоиться.

Это всё ради важного дела! Ради мамы, но она об этом, конечно же, никогда не узнает!

Мой отец оставил ей большие долги и исчез с радаров.

И мама теперь вынуждена общаться с коллекторами, которые навешиваются к ней с пугающей регулярностью. А у неё большое сердце! Каждая такая встреча может стать для неё последней!

И я не рядом — я в учусь по гранту в элитном универе за две тысячи километров от дома и даже не могу её обнять!

Поэтому мне срочно нужны деньги, чтобы эти гады оставили маму в покое.

Вот я и здесь....

Согласилась на дурацкое предложение о работе. Даже договор подписала. “О сопровождении”. Только вот мне что-то не верится, что я этого клиента буду должна только сопровождать...

Через минуту подошёл крупный мужчина лет сорока пяти — дорогой костюм, уверенный взгляд, спортивная фигура с ну очень широкими плечами...

Я похолодела.

Такому если откажешь, он разве послушает?

— Марина, да? — он осмотрел меня оценивающе.

Я встала на негнущихся ногах и кивнула.

Вообще-то я Кира, но я же не идиотка — говорить своё настоящее имя здоровому мужику, который “заказал” меня в качестве сопровождения на вечер.

— Садись.

Всё внутри кричало “беги”. Я замерла и сглотнула.

Тётя Люда сегодня звонила, сказала, что мама снова плакала...

Вздохнула и села.

— Ты чё, первый раз что ли? Или актриса такая? — усмехнулся бугай.

— П-первый.

Мужчина оживился, а я наоборот. Меня от страха как будто отключило! Он что-то говорил, а я понимала только отдельные слова “взаимопонимание”, “взаимные услуги”, “доверие”.

В голове крутился совет той девицы из агенства “Просто слушай его, кивай и не задавай лишних вопросов.”

Я неуверенно кивнула.

Мужчина довольно улыбнулся и налил в бокал шампанское, а потом бросил в него какую-то шипучку.

— Ты нервничаешь. Выпей. Это тебя расслабит.

Он подал мне бокал. В тот момент я от страха почти не соображала. Мозг в панике пытался выбраться из безумной ситуации, в которой я очутилась.

Пузырьки казались безобидными. Я сделала несколько глотков.

— Получше? — спросил мужчина, вглядываясь в моё лицо.

В голове появилась лёгкость.

Я снова кивнула.

— Ну тогда, можно уже ехать ко мне.

— Что?.. — выдохнула я, испугавшись ещё сильнее.

— Нет пока? Ну подождём минут пять, — усмехнулся он. — Ты же уже согласилась, помнишь, кошечка?

Его широкая ладонь опустилась на моё колено. Я дёрнулась.

— Да не психуй, я о тебе позабочусь...

Его рука стала забираться в вырез моего платья на бедре... нет, нет, нет! Только не это, только не...

Меня охватила паника!

Дышать стало тяжело.

Они обещали, что никто меня трогать не будет!

И тогда я увидела как громадную руку моего “клиента” остановила более сильная мужская рука.

Я подняла взгляд и встретила серыми глазами.

Холодными. Стальными.

Но сейчас — самыми родными на свете!

— Лебедева! — прорычал он. — Встала быстро. И за мной!..

Я тогда ещё подумала: “Что здесь делает мой профессор по праву”? Но без вопросов поднялась — с ним точно безопаснее, чем с этим...

Только вот мир внезапно повело. Зал поплыл...

Глава 2. Нет выбора 2.0

Зашёл, б***, поужинать!

Вкусный стейк, бокал воды и тишина без лишних лиц. План был идеальный!

Но я сразу её узнал.

Мою студентку. Лебедеву.

Она одна из немногих толковых на курсе: пары не прогуливает, садится обычно ближе к доске, задаёт вопросы по делу, глазки не строит, пуговики не расстёгивает.

Только вот сегодня на ней была не университетская форма. Сегодня она была в вечернем платье, с ярким макияжем, её волосы были высоко убраны, хотя обычно эта девчонка ходила с простой косичкой.

А красивая...

Сначала я разозлился, бывают такие, кто строит из себя святую невинность, а сами по ночам на шест идут работать... но эта...

Она была какой-то бледной и растерянной. И кажется, боялась своего сопровождающего.

А вот он смотрел на неё предвкушающе. По нему прямо видно было, как он жаждал скорее увезти её и развернуть конфетку.

Мне принесли стейк — я вообще-то пришёл поесть, потому что дома ни*** в холодильнике нет. Но никак не мог оторваться от её растерянного лица.

Он что-то заливал, а она только кивала.

Когда его ладонь легла ей на колено, а в её зрачках вспыхнула паника, внутри у меня что-то щёлкнуло.

Я давно забыл про свой стейк, но теперь уже встал и быстро подошёл.

Считайте, что это профессиональное. Я юрист. Привык защищать невинных.

— Руку убрал, — сказал ему сначала спокойно.

— Ты что, мужик? — возмутился он, не отнимая ладонь.

Девчонка вдруг вцепилась в мой бицепс.

— Профессор, отвезите меня домой, пожалуйста, — сказала заплетающимся языком. — Мнене... Мне нехорошо.

— Она совершеннолетняя давно, — начал было мужик. — Всё по взаимному согласию, остынь.

— Тебя по какой статье привлечь? Варианты есть. Сто тридцать третья — принуждение к действиям сексуального характера. Или по двести сороковой пойдёшь? Склонение к занятию проституцией? Знаешь, что с такими на зоне делают?

Он побледнел.

Мы поняли друг друга без лишних слов.

Я наклонился, приобнял девушку за талию — она почти не держалась на ногах. Взгляд мутный, зрачки расширены.

— А деньги? — уцепился он за последнее.

Я посмотрел прямо:

— Молись, чтобы мы больше не встретились. Вечер окончен.

Подлетел официант:

— Ваш счёт, пожалуйста.

Я оглянулся на остывший одинокий стейк и вздохнул.

— Этот молодой человек оплатит, — сказал и посмотрел на “молодого человека”.

Тот закивал, как игрушечный пёс на торпедо, и официант направился к нему.

А мы с Лебедевой, которая еле стояла на ногах, отправились на выход.

За дверью ресторана я психанул и взял её на руки. Девчонка оказалась лёгкой, совсем что ли не ест?

Она вдруг прильнула ко мне.

— Как от вас пахнет вкусно, Арсений...

— Угу.

Она вдруг потянулась к моим губам — я успел отвернуться, и она поцеловала меня в шею.

— Лебедева!

Но она, кажется, меня даже не слышала — дышала томно, отрывисто. Такая нежная, податливая...

Б***... я ведь хотел просто поужинать!

Поскорее усадил её в машину и пристегнул ремнём безопасности, а потом включил обогрев — на улице было холодно. Несколько минут я просто сидел, глядя, как она пытается удержать голову прямо.

— Кира, — сказал я тихо. — Слышишь?

Она слабо кивнула.

— Засыпай, ты в безопасности.

Она доверчиво взглядела мне в глаза.

— Я отвезу тебя к себе, постелю в гостевой.

А уже утром надаю по ж***, — но этого я слух говорить не стал...

Арсений

Дорогие читатели! Приветствую вас в новой истории про профессора "Вересково" — Арсения Севостьянова.

В прошлом он был звёздным юристом, специалист по “невыигрываемым” делам, одним из тех, кто мог вытащить клиента из любой передраги.

Теперь он профессор по праву в Вереске, и буквально все девчонки на его курсах к нему неровно дышат. За исключением немногих.

Лебедевой, например.

Обычно он сдержан, лаконичен и холоден. Особенно со студентками. Но наша Кира ещё доведёт его до белого каления...))

Если вас заинтересовало начало, ставьте книге звёздочку и подписывайтесь на страницу автора.

И до встречи в комментариях, дорогие мои!

Глава 3. Утро доброе

Я медленно открыла глаза... и не поняла, где нахожусь.

Просторную незнакомую спальню заливал дневной свет. Это вам не общежитие, над этой комнатой корпел должно быть не один дизайнер интерьеров!

Здесь не было ни одной лишней вещи. Большая кровать. Встроенный в нишу шкаф. Минималистичные светильники.

Я рванула с постели и тут же схватилась за спинку, чтобы не рухнуть. В глазах потемнело. Взгляд упал на абстрактную картину на стене — клубок жгуче-алых линий на черном фоне. Выглядело это пошло и агрессивно.

Вот на этой картине-то меня и захлестнуло паникой.

Я сидела на чужой кровати. В одном белье.

Он меня...? Нет. Не может быть. Но почему я раздета?

Я резко села, ощущая жуткую слабость во всём теле. За прикрытой дверью слышались голоса.

Воспоминания о моём необдуманном решении накинудись всем скопом, и я схватилась за голову.

Ресторан. Девушка из агентства. Этот ужасный широкоплечий “клиент”, который положил свою лапу на мою ногу и... Серые льдистые глаза.

Привидится же такое?

Брось, Кира. Откуда бы там быть твоему преподу по праву?..

Голова болела, во рту пересохло, хотелось в туалет, и я, стянув с ближайшего кресла плед и укутавшись в него, огляделась в поисках уборной.

Неужели я дома у этого бугая?... Только бы нет!

И почему я без платья?

Я тихо завывала...

Хорошо хоть в белье!..

Я на цыпочках, пошатываясь, спряталась в ванной и щёлкнула замком. Этот замочек от огромного мужика не спасёт, да... но я всё равно почувствовала себя немного лучше.

В этой комнате тоже не было лишних вещей, но на краю широкой керамической раковины лежала зубная щётка в упаковке. И чисто, как в операционной.

Я умылась, зубы почистила, пытаюсь собрать мысли в кучу.

Что мне теперь делать?

Можно принять душ? Или лучше бежать отсюда скорее и приходить в себя уже в общежитии?

Какая же я дура!

“Это всего лишь сопровождение. Вас никто не тронет. Мы агентство с отличной репутацией”.

Как же!

Раздеться и полноценно принять душ я не решилась, но в порядок себя привела. Осталось понять, где моё платье и где выход.

Господи, как бы поскорее выбраться отсюда?

Я хорошенько замоталась в плед, выдохнула и осторожно отперла дверь. Приоткрыла её и...

— Проснулась?

Я от страха дёрнулась всем телом!

На кровати, где я спала до этого, сидел профессор Севостьянов.

Не почудилось.

— Доброе утро, — сказала я единственное, что пришло мне в голову.

— Оптимистка.

Как же мне стало стыдно.

Этот мужчина, которого я уважала за его интеллект, опыт и справедливое отношение к студентам — свидетель моего позора.

— Я... — открыла рот, но так ничего и не смогла сказать.

Он был в футболке и джинсах. Выглядел немного помятым, расслабленным. В руке держал кружку предположительно с кофе.

— Ненавижу оптимистов, — сказал он.

— Я сама себя сейчас ненавижу, — тихо ответила я.

— Вас, между прочим, могли вчера изнасиловать, — сказал он.

— Спасибо, что напомнили, — я посмотрела на него.

— Вы выбрали неправильный способ заработка.

Я заморгала, чтобы прогнать слёзы, но они не прогонялись. Губы дрогнули. Я всхлинула.

— Перестаньте, — сказал он, и это стало спусковым крючком.

Я окончательно разрыдалась, закрывая лицо руками.

— Я не могу, — прошептала, глотая слёзы.

— Можете. Просто прекратите.

Он прошёл в ванную мимо меня, достал из шкафчика пачку салфеток, подал мне. Я взяла, высморкалась, проморгала туман перед глазами.

И только теперь поняла, насколько он высокий. И насколько я маленькая рядом с ним.

— Я не знала, что всё так обернётся, — сказала я, немного успокоившись.

— А думать пробовали? — холодно спросил он.

И я снова начала моргать, чтобы побороть слёзы. Опустила голову.

— Деньги были нужны, — выдохнула я дрожащим голосом.

— Деньги, — повторил он, как приговор. — И ради них вы готовы были сесть в машину к первому попавшемуся мужику?

Я сморгнула.

— Нет! Я думала, это просто ужин.

— А я думал, что у вас есть мозги.

Он резко выдохнул, стискивая зубы, прошёл обратно в спальню. Налил воды из графина, подал мне стакан.

— Пейте.

Я с опаской посмотрела на графин.

— То есть здесь у вас инстинкт самосохранения сработал? А вчера что с ним случилось? — с вызовом спросил он и сам отпил из стакана. — Не отравлено.

Он снова наполнил стакан и подал мне.

Я послушно сделала пару глотков.

— Спасибо, что спасли меня, — выдохнула я, несмело заглядывая ему в глаза.

— Спасибо в карман не положишь, Кира.

Аййй как он с ней жёстко!..

Вы как считаете, правильно отругал? Или надо было мягче с девочкой?

Глава 4. Трудовой договор

Как же мне было стыдно!

А этот мужчина передо мной не страдал эмпатией — безжалостно отмечал всё самое неприятное в этой ситуации.

— Что вы имеете в виду, Арсений Михайлович? — мой голос прозвучал натянуто и неестественно.

— Бросьте фамильярничать, о ваших моральных принципах я уже сложил собственное мнение. Вы вчера подписывали договор на “сопровождение”?

Он произнёс последнее слово с ядовитой интонацией,

— Подписала...

Губы немного дрогнули, когда я это сказала.

— Хорошо. Сегодня подпишете новый.

— Что? — у меня руки похолодели от его циничности.

— Хотели быть эскортницей — будете. Только моей.

Я опешила.

— Это шутка?

— У меня очень специфическое чувство юмора, — он усмехнулся, и в его глазах не было ни капли тепла. — Смею предположить, деньги вам были нужны не на благотворительность?

— Вы... вы просто невыносимы! — вырвалось у меня, и я вскочила, судорожно закутываясь в плед, который вдруг показался смехотворно тонкой защитой.

Он окинул меня медленным, оценивающим взглядом.

— Нет. Я просто рационален. Итак, последний раз спрашиваю вежливо: на что нужны были деньги, Кира?

Я сжала кулаки, ногти впились в ладони.

Жаль, что единственная одежда, которая на мне была — кружевное бельё и плед. Эффект грозной речи слегка... смазывался.

— Спасибо большое за помощь, но спать я с вами не буду, — сказала отрывисто и чётко.

А он... расхохотался!

— Это было красиво, хоть и совершенно неубедительно. Вы как разгневанный котёнок. Трогательно, но непродуктивно. Ладно, не хотите говорить — я сам выясню. Просто мне казалось, что для вас этот вопрос срочный.

Я вспомнила о маме, о том, каким безжизненным был её голос вчера, когда мы разговаривали по телефону.

— Я...

— Вы? — он насмешливо приподнял брови.

Я сжала зубы. Да откуда же он взялся такой саркастичный на мою голову!

— Мне надо закрыть долги семьи.

— Сколько?

— Четыреста тысяч.

Назвать эту сумму вслух было почти физически больно. Для меня это были не деньги, а космос.

Он на секунду задумался, будто прикидывая цифры в уме.

— В шкафу есть рубашки, — сказал, вставая. — Жду вас на кухне.

И вышел.

Вышел!

Взбесил меня до глубины души, до дрожи и удалился вместе со своей мускулистой спиной в обтягивающей домашней футболке!

Ненавижу юристов!

Бездушный.

Саркастичный.

Циничный.

Холодный.

Аааа!

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

Сама виновата...

Рубашки так рубашки. Я открыла его шкаф. невольно поразилась аккуратным полочкам со сложенной одеждой. Ну просто как в магазине!

Сняла с плечиков рубашку, она оказалась мне по середину бедра. Вздохнула снова, смиряясь с тем, что придётся выглядеть как... героиня сомнительного телесериала. Но копаться в его вещах, чтобы найти что-то более подходящее мне не позволила совесть.

Я запахнулась поплотнее и пошла «вести переговоры» со своим преподавателем. По дороге мысленно сочинила гневную тираду о профессиональной этике и моральных нормах и о том, что он, конечно, совершил благородный поступок, но намекать после этого на сексуальную связь между нами по меньшей мере некрасиво.

Кухня похоронила эту речь на месте.

Арсений Михайлович стоял у плиты без футболки.

— Вам одно яйцо или два? — спросил он спокойно, даже не оборачиваясь.

Я вылупилась на его голую спину. А ведь не показалось — мускулистая.

Это же чем надо заниматься, чтобы такую спину иметь? Он подрабатывает в тренажёрном зале? Или что?

Я не могла издать ни звука, загипнотизированная видом его обнажённого торса. Он повернулся, скользнул по мне взглядом и так и застыл.

— Хм.

Я автоматически скрестила руки на груди, как будто это хоть немного спасало от его раздевающего взгляда.

— Вы сами сказали, что я могу надеть рубашку, — пробормотала я, чувствуя, как щеки вспыхивают.

— Да... — протянул он, не сводя с меня глаз.

— Вы почему без футболки? — сорвалось у меня. От отчаяния захотелось перевести внимание хоть на что-то.

Взгляд сам скатился ниже — на пресс с аккуратными кубиками. Боже, он же живой Аполлон. Жаль, что гад.

— Она пала смертью храбрых под натиском моих поварских талантов, — невозмутимо пояснил он и кивнул на футболку с огромным жирным пятном, уныло висящую на спинке стула.

— М-м... ясно, — сказала я, хотя ничего ясного не было.

— Ну, садитесь, Кира, — он указал на стул.

— Может, вы просто отдадите мне платье, и я уйду? — попыталась я ещё раз.

— Ещё чего, — фыркнул он. — Вы же не подписали договор.

— Какой ещё договор? — мне захотелось взвыть.

— Трудовой, — он усмехнулся и ловко переложил яичницу на большую тарелку.

Сел за стол. Там уже было две чашки кофе и две тарелки яичницы. По середине стола тарелка с нарезанным сыром. Всё аккуратно, красиво и обыденно, как будто он каждое утро спасает студенток и кормит их завтраком.

— Присаживайтесь, — сказал он уже тем самым профессорским тоном. — Обсудим условия.

Я поколебалась, но всё же села.

— Сначала завтрак, — добавил он и спокойно принялся за еду, как будто у нас действительно деловая встреча, а не апогей моего личного падения.

Я ковырнула вилок яичницу. Горло сжалось.

— Ешьте, Кира, — сказал он, даже не поднимая глаз.

— Не хочется, — пробормотала я.

— Странно. Вчера вам хотелось денег, сегодня — нет аппетита. Непоследовательность — плохое качество для будущего юриста.

Я сжала зубы.

— Я не собираюсь быть юристом.

— А вам бы пошло, — подмигнул мне он. — Беспринципность у вас уже есть, отличное качество для адвоката.

Я замерла с вилок в руке.

Вот же гад!

— Вы будете работать ассистентом на моей кафедре, — припечатал он.

Я чуть не подавилась кофе.

— На кафедре права? Но это не моя специализация...

— Да. Вы знаете русский язык, умеете держать в руках ручку — уже половина успеха. Остальному научу.

Мне захотелось стукнуть его тарелкой. Ласково. По голове.

— Вы не можете меня заставить.

— Разумеется могу. У меня есть копия вашего чудесного договора о “сопровождении” и прекрасные видео материалы со вчерашнего увлекательного вечера.

Сердце провалилось в пропасть. У него есть какие-то видео? Но что там?..

— Вы не можете вот так распоряжаться моей жизнью!

— Кира, я вчера распорядился вашей жизнью в куда более серьёзной ситуации. И, как видите, более чем удачно. Вы живы, здоровы и в безопасности. Так что можете мне довериться.

У меня пересохло во рту. Он говорил спокойным, ровным голосом, но под текстом чувствовался холодный профессионализм человека, который привык и умеет руководить судьбами клиентов. И кажется его новый клиент — я.

— Довериться, — вышло у меня с усмешкой. — А если я не соглашусь?

Он поднял на меня глаза. Медленно. Осторожно.

Этим взглядом он когда-то наверняка ломал присяжных, адвокатов и целые суды. До того, как бросил свою звёздную карьеру и приехал преподавать в “Вереск”. Почему он это сделал?..

— Соглашайтесь, Кира, — ласково сказал он. — Не усложняйте.

Он откинулся на спинку стула, переплёл пальцы, разглядывая меня так, будто оценивает доказательства по делу.

— Вчера я аннулировал ваш... хм... сомнительный контракт. Это раз.

— Я больше никак не связана с агентством?.. — я ахнула.

— Естественно. Не собираюсь я позволять своей ассистентке висеть в чьём-то дурацком “эскорт-реестре”

— Но...

— И я действительно могу закрыть долг вашей семьи, — добавил он ровно. — Это два. Меня будто ударило током.

— Зачем... зачем вам всё это?

Он наклонился вперёд, положив ладони на стол.

— Во-первых, мне правда нужна помощница. Во-вторых, что-то мне подсказывает, если я не поставлю вас под контроль — вы обязательно вляпаетесь снова. А я привык верить своему чутью.

— Под... контроль? — я едва дышала. — Это как?

— Я вас контролирую. Пока вы не научитесь контролировать себя. Ну и использую для своих личных нужд, чтобы покрыть убытки.

— Для личных нужд? — переспросила я, приподнимая брови.

Не думает же он в самом деле, что я стану с ним спать?!

Или... ещё как думает?

Глава 5. Он издевается!

Если бы ещё вчера меня спросили, могло ли вообще такое произойти, я бы с лёгкостью ответила, что нет, а теперь...

Я полуголая, злая и напуганная сидела на кухне у своего профессора.

— И что за “личные нужды?” — выдавила я, смотря, как педантично он отрезал кусочки от своей яичницы, прежде чем отправить её в рот.

Каждое движение медленное, точное, раздражающе спокойное.

— Разные, — отрезал он так же, как и яичницу.

Я фыркнула.

— Вы издеваетесь надо мной?

— Пока — нет. Но вы провоцируете меня к этому, Кира.

— Это я вас провоцирую? — спросила я, сжимая пальцы под столом. — По-моему это вы предлагаете мне поставить подпись в договоре, который обязывает меня вам подчиняться. Вы хоть понимаете, как это звучит?

— Более чем, — спокойно ответил он. — Но если хотите, могу раскрыть вопрос подробнее.

Он отложил вилку, поднял взгляд.

Холодный. Читающий меня насквозь.

Моментально вспомнилось, как он вчера держал меня за талию, когда я едва стояла на ногах. Тогда его взгляд был единственным островком спокойствия в этом мире. Сейчас — точно нет!

— Моя ассистентка должна быть доступна, — начал он ровно, — для рабочей коммуникации, выезда на мероприятия, ведения документации, корректировок расписания и... — Он на секунду задержался, чуть прищурившись. — ...и ситуаций, требующих личного участия.

— Всё стало настолько понятно! — протянула я.

— Вот и отлично.

И он вернулся к тарелке, будто разговор был закончен.

Я сжала зубы.

— Это всё равно звучит... неправильно, — выдавила я, стараясь не сорваться.

— Только если у вас богатое воображение, — сухо заметил он.

— А если я, например, не смогу приехать на одну из ваших... ситуаций, требующих моего личного участия? — уточнила я.

— Вы сможете, — уверенно сказал он.

— Зачем вам это? — спросила я, хмурясь.

Ну правда. Вряд ли ему нужна именно я как ассистентка. Да и как постельная грелка — если он только щёлкнет пальцами, у его кровати выстроится очередь из студенток Вересково. Более успешных, красивых, богатых и беспроблемных.

Он вздохнул, будто не хотел объяснять очевидную вещь.

— Если коротко, — проговорил он, — то отпусти я вас сейчас в “свободное плавание”, я буду себя долго и скучно ругать, когда вы всё равно полезете искать деньги через эскорт.

— Не стану, — резко ответила я, оскорбившись. — Никогда больше...

— Не поймите меня неправильно, но все так говорят, Кира.

Он повернул голову, рассматривая меня слишком пристально.

— А если вам предложат, скажем, полмиллиона за одну ночь? — он даже улыбнулся. — Только представьте, хватит, чтобы закрыть долги и ещё немного останется.

— Нет, — сказала я. — Если меня в процессе покалечат, это того не стоит.

— А если мужчина будет с вами нежным?

— Такого... не бывает, — поколебавшись ответила я и опустила глаза.

— Ещё вчера вы думали, что бывает. Вы же на это надеялись, когда вся такая красивая ехали в тот ресторан, да?

У меня слёзы навернулись на глаза. Снова стало стыдно.

И ведь он прав!

Этот ужасный, саркастичный, циничный, злой... юрист! Аaaa! Ненавижу!

Я прямо посмотрела ему в глаза.

— Я думала, что еду только на ужин, — сказала, а у самой снова подбородок затрясся.

— Пожрать в дорогом ресторане и чтобы тебе за это доплатили? — грубо спросил он.

Когда он так сформулировал, всё конечно стало выглядеть по-другому...

— Я не знаю, — прошептала я. — Да!

— Или в глубине души ты надеялась, что найдёшь свою любовь? — его голос стал ниже, язвительнее. — Страстный секс в дорогом авто, а потом отношения уже безо всяких агентств?

Щёки покраснели. Я покачала головой.

— Про маму я думала!.. У неё сердце больное. И про то, что надо вернуться вовремя, чтобы на пары успеть.

— На пары ты уже опоздала, Кира, — спокойно сказал он. — Подписывай договор, приводи себя в порядок и поехали в Вересково.

— Вы... вы не имеете права заставлять меня что-либо подписывать!

— Моральное право — точно имею, — перебил он, ставя чашку на стол с тихим, но очень властным стуком. — Я предлагаю тебе цивилизованный выход из ситуации, в которую ты сама себя загнала. Не сомнительное “сопровождение”, а официальную работу. Ассистентом.

Я уставилась на него.

— Только ассистентом?

— Да прочитай ты уже этот договор! — взорвался он. — Я чему тебя на занятиях учил?

Я вздрогнула.

— Внимательно изучать договор от первого до последнего листа.

Он придвинул ко мне бумаги.

Я вздохнула и стала изучать идеально составленный документ.

Оплата у меня предполагалась стандартная для университетской помощницы. Всё официально, с записью в трудовой книжке. Я должна буду помогать профессору в исследованиях, готовить материалы для публикаций, систематизировать архив и кучу всего ещё... Ничего сверхъестественного.

— А если я откажусь? — спросила, уже понимая, что не откажусь. Выбора особенного и нет.

— Тогда ты свободна, — он развёл руками, и мышцы на груди плавно напряглись. — Можешь идти. И надеяться, что в следующий раз, когда к твоей матери придут “гости”, деньги найдутся сами собой.

Я закусила губу. Довериться ему? После вчерашнего довериться сложно!

— Испытательный срок — месяц. В случае успешного прохождения — контракт заключим на год. За это время ты полностью закроешь сумму долга.

— Я не верю вам, — прошептала я.

— Мне не нужна твоя вера, — он чуть наклонился вперёд. — Мне нужна твоя подпись.

Он говорил раздражающе логично. И подтолкнул ко мне ручку.

— Последний раз, Кира. Подписываешь — едешь со мной в Вересково как ассистент. Не подписываешь — отправляешься домой к матери. И дальше ты справляешься сама.

Глава 6. Легенда

Я взяла ручку и подписала чёртов договор. Пальцы дрожали, но справилась я быстро.

— Довольны? — спросила зло.

— Да, — просто ответил он, глядя в вырез рубашки, что была на меня надета.

Я тут же запахла её получше.

Он забрал документы.

— Коллекторы... — начала я и осеклась.

Профессор посмотрел мне в глаза.

— Коллекторы больше к вашей матери не придут, — сказал он твёрдо.

— Почему вы так в этом уверены?

— Компания, которая выкупила долг вашего отца, работала с грубыми нарушениями.

Два часа назад они добровольно списали этот долг. Хотя юридически их договоры не стоили и бумаги, на которой были напечатаны.

Я моргнула.

Раз.

Два.

— Два часа назад?

То есть...

Меня словно обдало холодной водой.

— То есть я могла НЕ подписывать ваш договор?

Он спокойно взглянул на меня.

— И у меня было бы неприятное утро зазря? Нет, вы правильно сделали, что подписали, а сокрушаться уже поздно, — сказал он, забирая бумаги. — Я не люблю, когда мои студентки зарабатывают на жизнь, рискуя её потерять. Теперь вы под моим крылом.

Я закрыла глаза на несколько секунд.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Посмотрела ему прямо в лицо.

— Вы чудовище, — сказала я тихо.

В уголке губ у него дрогнула тень улыбки.

— Я законопослушное чудовище, — ответил он. — А вы — его ассистентка.

Прекрасно.

Просто великолепно.

Он поднялся и, словно между делом, произнёс:

— Я в душ. Посуду помой — и поедем.

Развернулся и ушёл, по-прежнему без футболки, будто это совершенно нормально — отдавать мне распоряжения, как домашней прислуге.

Я смотрела ему вслед, кипя и краснея одновременно.

— Ненавижу юристов... — прошептала я одними губами, собирая грязные тарелки.

В общежитие я поехала в его трениках и футболке. Платье он мне так и не отдал — сказал, что в этой тряпке можно ходить только в стриптиз клуб. На работу. А у меня работа теперь другая, и моим рабочим гардеробом он тоже обязательно займётся, когда будет на это время.

О платье я не страдала — всё равно я вряд ли бы захотела надеть его когда-нибудь снова! А вот эта опасная мысль про рабочий гардероб напрягала.

Но проблемы надо решать по мере их поступления. И эти проблемы сваливались на меня одна за другой!

Во-первых, его машина.

Когда мы подошли к огромному джипу я засомневалась, куда мне садится. Арсений Михайлович подошёл ко мне, открыл заднюю дверь, а когда я собралась сесть на заднее сиденье, он бросил туда сумку.

— Ассистентка ездит впереди.

Я сглотнула.

И всю дорогу мне пришлось искоса его разглядывать.

Красивый. Гад.

Холодный. Уверенный.

Мне было страшно от его уверенности. Она пронизывала насквозь. У него будто всё схвачено. Вообще всё. И светофоры, и другие участники дорожного движения, и... я.

“Под его крылом”.

Когда мы подъезжали к Вереску, я озадачилась только одним: как выйти из его машины так, чтобы меня не заметили другие студенты.

— Остановите за воротами, пожалуйста. Отсюда пойду пешком, — сказала я, когда мы уже почти подъехали к университетскому кампусу.

— Это что ещё за глупости?

— Ну.. я в вашей одежде. Если выйду из вашей машины, все подумают, что...

Он приподнял бровь.

— На улице дождь, я не оставляю вас на дороге, — сказал он.

— Но... вам же тоже здесь работать ещё! — запереживала я. — Вы работой не дорожите?

Он остановился на обочине. Я с облегчением выдохнула и потянулась к замку двери.

Он не открылся. Я вопросительно обернулась к Севостьянову.

— Нет.

— Что “нет”? — спросила, нахмурившись.

— Я не дорожу работой.

И он повернулся к дороге и снова начал движение.

— Но... — протянула я и не смогла закончить предложение.

Он не усмехнулся. Просто проигнорировал мои попытки возражать и подъехал прямо к моему корпусу.

— Все подумают... — в панике начала я.

— Вы, Кира, должны сформулировать, что вам надо, чтобы они подумали, — сказал он.

— Как это?

— Если мы выйдем вместе, я прижму вас к машине и жёстко поцелую на глазах у ваших однокурсников...

У меня пересохло во рту.

Картинка сама вспыхнула перед глазами: его рука у меня за поясницей, его рот, тяжесть его тела — и десятки шокированных свидетелей...

Господи. Зачем я это представила?

— ...то вам будет сложно повлиять на их мнение о наших отношениях, — спокойно закончил он. — А если вы просто выйдете из моей машины, без громких сцен... у вас появится шанс что-то сформулировать. Это называется “легенда”, Кира. Придумайте её и следуйте ей.

Я сглотнула.

— Хорошо... — выдохнула я. — Я ваша новая ассистентка. Мы встретились в городе, подписали договор, обсудили детали совместной работы...

— Мы могли встретиться на кампусе, почему в городе? — парировал он.

Я подумала.

Он... проверяет меня? Да, проверяет. Как на экзамене.

— Потому что вы... не любите столовки на кампусе? — неуверенно предложила я.

Он наклонил голову, оценивая.

— Допустим. — Он чуть кивнул. — Дальше.

— Дальше? — я растерялась. — Ну... вы предложили подвезти меня обратно.

— И почему вы выглядите так? — его взгляд скользнул по моим слишком большим треникам и его футболке.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули.

— Я... я не знаю...

— Плохо, — сказал он холодно. — Любая легенда рассыпается на первом же нелогичном элементе. Думайте.

Он не повысил голос.

Он даже не посмотрел строго.

Но его спокойная требовательность давила сильнее любого крика.

Я обхватила себя руками, пытаясь сообразить.

— Может... я пролила кофе? — предложила я. — На платье. И вы дали мне... вашу одежду, чтобы я нормально добралась домой.

Он медленно, внимательно посмотрел на меня и усмехнулся краем губ.

— Значительно лучше, — сказал он. — Хотя в вашей версии я выгляжу... чересчур благородным.

Я закашлялась от неожиданности:

— А вы... не благородный?

— Я реалист, Кира. — Он нажал на кнопку, разблокировав двери. — Теперь выходите. И не вздумайте выглядеть испуганной. Ассистентки бывают растерянными, но не перепуганными.

Я вышла из его огромного джипа и повернулась, поймав взгляд льдисто-серых холодных и пронзительных глаз.

— Завтра в семь жду у себя в кабинете.

— В семь? — переспросила я.

— В кабинете? — передразнил меня он и расхохотался.

А после уехал, оставив меня около общежития в своей одежде...

Я стояла под морозящим дождём, как полная идиотка, пока машина не скрылась за поворотом.

Телефон в кармане треников коротко завибрировал.

Я достала его, надеясь, что это мама, стоило скорее её обрадовать хорошей новостью о списании долгов.

Нет.

Почта Вересково.

*“Приказ № 17/К О назначении ассистента профессора кафедры гражданского права.
Назначить Лебедеву Киру Андреевну на должность ассистента проф. Севостьянова
А.М.*

Ставка: 0,5. Гибкий график.

Ответственное лицо: проф. Севостьянов А.М.”

Ниже прикрепленный файл.

И ещё меня добавили в общий рабочий чат кафедры.

Как всё быстро!..

Глава 7. Легенда под угрозой

Кажется, мне повезло. В дождь никто на улице не торчал, так что я быстро вбежала в корпус, но уже на лестнице мне в спину донеслось:

— Лебедь, ты куда такая нарядная мчишь?

Чёрт.

Я повернулась и посмотрела на Матвея Зорина.

Капитан университетской команды по баскетболу. Мажор. Красавчик. Ходячий набор проблем.

— В комнату, — ответила непринуждённо, не останавливаясь.

Он быстро догнал меня и встал, блокируя лестницу.

— На шпильках и в мужских штанах? Я думал, ты целочка...

— Идиот!...

Обошла его и почти побежала наверх, цокая босоножками по ступенькам.

Сзади донёсся довольный мужской смех.

Нет, всё-таки Арсений Михайлович может быть и отличный юрист, но в студентах он разбирается отвратительно.

Я скрылась за дверью своей комнаты. Там меня встретила Света.

И ей понадобилось секунд пять, чтобы всё понять.

— Кир... — она понизила голос. — Пожалуйста, скажи, что ты не ночевала у какого-нибудь уроды.

Я слотнула.

Нет, уродом Севостьянова точно не назовёшь. Красивый гад. Привлекательный мужчина. Ужасный манипулятор... Юрист! Но не урод.

— Так. — Она упёрла руки в бока. — Рассказывай. Или я сама начну придумывать, а у меня фантазия рабочая.

Я глубоко вдохнула.

— Свет... только спокойно.

— КИР, Я СПОКОЙНА КАК ДВА ЛИТРА ВОДКИ! — зашипела она.

— Я... была не у уроды.

— Супер. Уже легче. Кто он?

— Это... — я сморгнула. — Ну один мужчина.

Пауза.

Секунда.

Две.

— Кто?

Молчание.

Света медленно подошла и села на край моей кровати, пока я доставала из шкафа СВОЮ одежду.

— Кирочка...

— Что?

— Детка моя...

— Све-е-ет... не начинай.

— Я ХОЧУ ЗНАТЬ ВСЁ В ПОДРОБНОСТЯХ. Кто он? Вы спали? Ну конечно вы спали, иначе ты бы не была в его одежде! Сколько раз за ночь? Погоди... да ты же девственница была!.. У тебя был первый раз? И как всё прошло? Ну! Говори уже хоть что-то!

— Я до сих пор девственница, — только и сказала я.

— Капец, — выдала Света. — Ночевала у мужика, не урод, и ничё не было? Он что, родственник тебе? Или сильно старше?

Я невольно рассмеялась.

— То есть если не родственник, не урод и не сильно старше, то с человеком обязательно надо переспать?

— Не цепляйся к словам! — вспыхнула Света. — Вы хоть целовались?

— Что? Нет! — я закатила глаза. — Я просто вчера перебрала с выпивкой, и он был так добр, что предоставил мне отдельную спальню у себя дома.

— Охренеть, — глаза Светы расширились до размеров блюдец. — Ты как, в порядке? С тобой точно ничего не сделали? А вдруг он фоток наделал? Ты чем думала, когда напивалась в незнакомой компании??

Вот теперь она меня реально напугала.

Мог ли Севостьянов сделать какие-то неподобающие фотографии, пока я была у него? Он же говорил, что у него осталось какое-то видео со вчера...

Внутри всё похолодело.

— Нет, всё в порядке, — нахмурилась я. — Ему не интересны такие как я.

Брови Светы поползли вверх.

— Ему неинтересны наивные девственницы с а-а-ахренной фигурой? Я тя умоляю, все мужики одинаковые!

Я покачала головой, вспоминая, как Арсений Михайлович меня отчитывал.

“Или в глубине души ты надеялась, что найдёшь свою любовь? Страстный секс в дорогом авто, а потом отношения уже безо всяких агентств?”

На душе стало погано.

— Ладно, я в душ. В душ и спать. Меня до сих пор мутит.

— Не скажешь, кто он?

— Да просто парень, не заморачивайся! — ответила я, закрываясь в душевой.

Просто парень.

Я вспомнила, как этот “просто парень” сидел на кухне без верха и активно бил по всем моим болевым точкам “Хотели быть эскортницей? Будете! Только моей”.

Вода была обжигающе горячей, но я не могла согреться. Внутри оставалась ледяная пустота. Слова Светы о фотографиях засели в мозгу как заноза.

Я закрыла лицо руками, подставив голову под сильные струи. Воспоминания о вчерашнем вечере всплывали обрывочными, смазанными кадрами.

Как я оказалась в его кровати? Кто меня раздел? Он?

Я стояла под горячей водой минут десять, но чувство липкого ужаса всё равно не уходило. Будто на мне до сих пор лежала вчерашняя рука того мужчины. Будто я всё ещё не пришла в себя.

И — ещё хуже — будто взгляд Севостьянова продолжал прожигать мне кожу.

“Теперь вы под моим крылом.”

Да кто он вообще такой, чтобы решать, под чьим крылом мне быть?

Я выключила воду, завернулась в полотенце, вышла.

В зеркале на меня смотрело бледное, испуганное лицо с огромными глазами.

Надо приводить себя в порядок.

Высушила волосы, намазалась вкуснопахнущими кремами, закинула чужие шмотки в стиралку, позвонила маме, рассказала радостную новость.

Она снова плакала. Теперь от счастья!

И очень просила дать номер профессора-юриста, который помог избавиться “от ужасных людей”. Я, разумеется, не дала. Но пообещала, что передам ему все мамины благодарности.

— Ну что? Пришла в себя? — спросила Света.

— Более-менее, — буркнула я, плюхаясь на кровать.

Открыла ноут, сейчас самое лучшее — интересный сериал, чтобы улететь в какую-нибудь другую вселенную.

Но как бы ни так! На почте висела целая кипа писем с кафедры.

Правки расписания, методички, инструкции по внутреннему документообороту, файл с “ключевыми контактами”.

Сериал отменяется.

Сериал отменяется.

— Ты чего? — нахмурилась Света.

— Да меня прикрепили на пол ставки на кафедру Права. Вот кучу документов прислали на изучение.

— Фигасе! Кем?

— Ассистентом, — пожала плечами я.

Света молчала секунд тридцать.

— Лебедева, ты чо у профессора Севостьянова ночевала?

Глава 8. Кофе

Моей соседке надо идти в детективы. Честно. Как она догадалась?

— С чего такие выводы? — спросила я, приподняв бровь, будто не понимаю, о чем она говорит.

— Ах-ре-нет! — её глаза зажглись огнём. — Правда у него была! Да тебе пол Вереска обзавидуется, когда узнает!

— Не узнает, — сказала я. — Никто не узнает, и у нас действительно ничего не было.

Перед глазами правда сразу же возникла картинка, как он нёс меня на руках. Его лицо очень-очень близко к моему. Глаза эти льдистые. А потом он на кухне без футболки...

— Ничего не было, — повторила я, уверяя и Свету, и себя саму.

— И как тебе понравилось то, чего не было? — спросила она.

— Что? — нахмурилась я. — Свет, я просто спала у него дома.

— Спала у Севостьянова! Дома! Вы с ним вдвоём! Без одежды, в одной кровати!

— Нет же, на разных кроватях!

Хотя когда я проснулась, вторая половина была примята, будто кто-то там лежал.

— И в одежде!

А проснулась то я в белье.

Ну Света! Даже меня заставила засомневаться!

— Так, всё. Заканчиваем этот бесполезный разговор.

Ровно в 6:55 утра следующего дня я стояла перед дверью кабинета Севостьянова.

В руках термос с кофе и блокнот.

Я глубоко вздохнула и постучала, надеясь, что он ещё не пришёл.

— Войдите.

Его голос был таким же, как на лекциях — холодным, собранным, лишённым эмоций. Я открыла дверь.

Кабинет был точной копией его квартиры — стерильный минимализм. Ни пылинки, ни лишней бумажки. За массивным дубовым столом сидел он, уткнувшись в экран ноутбука. Идеально сидящий тёмно-серый костюм, строгость, холодность.

От вчерашнего расслабленного полубога не осталось и следа. Передо мной был профессор Севостьянов. Хозяин положения.

— Рабочий день ассистента начинается за пять минут до назначенного времени, чтобы подготовить рабочее место руководителя, — отчеканил он. — Кофе. Чёрный. Без сахара. А потом вы изучите статью 179 гражданского кодекса. Просмотрите учебный архив в правом шкафу и выберете все дела, касающиеся этого вопроса. Ясно?

Он говорил быстро, чётко, не оставляя пространства для вопросов.

— Я... поняла, — кивнула я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Не поняли вы ничего, — он снова уставился в экран. — Ваше рабочее место там, — он кивнул на небольшой стол в углу, заваленный папками. — Приступайте.

Кофе, сначала кофе...

Я пошла выполнять его приказ, а спиной чувствовала его взгляд. Или мне просто показалось. Или... хотелось, чтобы показалось.

Молча подошла к столику с кофеваркой. Руки слегка дрожали, и я сжала пальцы в кулаки, чтобы скрыть волнение. И как эта штука работает?

Я рассмотрела кнопки.

Просто налить кофе. Это всего лишь кофеварка. Не андронный коллайдер...

Белая фарфоровая чашка, чёрный кофе. Он сказал “без сахара”? Или наоборот “с сахаром”? Закусила губу. Да что же это такое...

Не стала добавлять.

Взяла кружку в обе руки, чтобы не уронить. Сделала шаг к его столу. Пол под ногами казался зыбким.

— Ваш кофе, Арсений Михайлович, — сказала я, ставя кружку справа от его клавиатуры, на свободное от бумаг пространство.

Он медленно поднял глаза от экрана. Его взгляд скользнул по чашке, затем по моим рукам и по мне самой.

— Спасибо, — произнес он ровно и продолжил смотреть на меня.

— Что-то не так? — не удержалась я. Его пристальное внимание было невыносимым.

— Всё в порядке, — он наконец взял кружку и сделал небольшой глоток.

Его лицо не выразило ни удовольствия, ни неудовольствия. Это была просто констатация факта: кофе присутствует, температура приемлемая, система продолжает работу.

Я дёрнулась, чтобы уйти, но остановилась.

Бред, ну что же я себя так глупо веду?

Я пошла к своему столу.

Мне тоже нужен был кофе. С молоком. И с сахаром. И желательно с пироженкой, но пироженки здесь точно нет. Начнём просто с кофе.

Взялась за свой термос, а он не открывается, собака. Термос будто издевался надо мной персонально. Я ещё пару секунд покрутила крышку — ноль реакции.

— Ладно, — пробормотала я. — Обойдусь без кофе...

— Конечно, — раздалось за спиной. — Зачем вам помощь, если можно страдать молча?

Я вздрогнула.

Севостьянов уже подошёл ко мне.

Я инстинктивно отступила на шаг, но упёрлась бедром в край своего стола. Назад уходить больше некуда.

Он протянул руку.

— Дайте.

Я послушно вложила термос в его ладонь — и тут же пожалела. Не потому что он сделал что-то... а потому что его пальцы коснулись моих, и меня прошибло током.

Проклятая физиология.

Он обхватил крышку и... Даже не нажимал. Просто провернул запястье.

Щёлк.

Термос открылся.

Предатель.

— Спасибо.

— У вас проблемы да? — недовольно спросил Севостьянов. — С тем, чтобы попросить о помощи?

И как-то он оглушил меня этим вопросом. Понимала ведь, что дело не только в термосе. Он про дело моей мамы говорил...

— Я... не хотела вас отвлекать.

— Но в следующий раз, если что-то не получается — просто скажите. Я не кусаюсь.

Я нервно хмыкнула.

Кофе мне всё-таки достался, а Арсений Михайлович даже подсказал, где спрятаны сливки.

Следующие несколько часов я провела за столом.

Статья 179 была о случаях недействительности заключённой сделки.

Я сразу поняла, что он её не спроста выбрал.

Сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась, может быть признана судом недействительной...

Интересно, наш с ним договор не тянет на кабальный? Он же буквально прижал меня обстоятельствами... Я мысленно усмехнулась.

Дальше я утонула в бумагах, в папках, в юридических терминах, которые сливались перед глазами в одно сплошное серое пятно. Через два часа спина затекла, руки устали, а мозг упорно пытался выйти из чата.

За это время к Севостьянову заглянули двое преподавателей, он коротко обсудил с ними какие-то рабочие вопросы, кто-то из коллег позвонил по видеосвязи, а теперь вот приехал бывший судья...

В кабинет вошёл мужчина лет шестидесяти: строгий, аккуратно подстриженный, с твёрдым взглядом человека, который привык, что его слово — последнее.

— Арсений, — сказал он, даже не поздоровавшись, — ты прислал материалы, я посмотрел.

— И? — холодно спросил Севостьянов.

— Ты снова собрал всё так, что шансов у них нет. — Судья усмехнулся, присаживаясь в кресло напротив. — Тебя надо в Верховный тянуть, а ты, как идиот, закопался в этом Вересково.

Арсений чуть вскинул подбородок, но ничего не ответил.

— Новая ассистентка? — взгляд судьи лег на меня.

Я приветливо улыбнулась.

— Чай, кофе?

— Она работает второй час, — сказал Севостьянов извиняющеся и достал из ящика виски.

— Видно, — хмыкнул мужчина. — Глаза ещё не стеклянные. Иди, девочка, — махнул он рукой. — Нам поговорить нужно.

Я дернулась.

— Я... мне ещё нужно закончить одну папку...

— Кира, — спокойно произнёс Севостьянов. — У вас через десять минут начинается пара. Не надо опаздывать на лекции.

Я посмотрела на часы — точно! Как быстро время пролетело. Поднялась, торопливо собрала бумаги, блокнот, термос-предатель, кивнула судье и пошла к выходу.

— Девочка, — вдруг сказал судья за моей спиной, — беги от него, пока не поздно.

Я чуть не споткнулась. Севостьянов резко повернул голову:

— Николай Петрович, — с укором.

— Шучу, — отмахнулся судья. — Дело твоё.

— Лебедева. Завтра без джинсов, — сказал Севостьянов.

У меня аж сердце пропустило удар. Как без джинсов?! Я вдруг вспомнила, как выглядела в его рубашке поверх белья...

— Простите?..

Судья засмеялся.

— Юбку. Или платье надень. — пояснил Севостьянов. — Приличное. Ассистент руководителя кафедры должен выглядеть соответствующе.

— Поняла.

Боже какая же я идиотка...

— Хорошо, — сказал он и снова уткнулся в экран. — Свободны.

Я вышла, чувствуя, что горю, пылаю, киплю — и всё это одновременно.

Уже собиралась отправиться в буфет, чтобы перехватить завтрак до лекции, как за тонкой стеной раздался голос судьи:

— Ты спятил, Арсений. Девчонка-то хорошая... слишком хорошая, чтобы ты рядом с ней работал. Испортишь.

Я замерла.

Севостьянов ответил тихо и твёрдо:

— Я контролирую ситуацию.

Судья фыркнул:

— Ничего ты не контролируешь, не обманывай старика. Она на неё похожа...

Звучный стук стакана о стол, и я вздрогнула.

Надо бежать отсюда, пока я не услышала ещё что-то, что слышать мне не стоит...

Глава 9. Ветчина и сыр

У меня было ещё немного времени перед началом пары, так что я добежала до буфета. Встала перед прилавком размышляя, сколько денег готова потратить на завтрак.

Хотелось купить аппетитный салат с курочкой и пряным соусом, но три сотни за листья... С моим бюджетом это звучало как преступление против экономики семьи Лебедевых. Я вздохнула и купила бутерброд за сто пятьдесят, состоящий из двух толстых кусков хлеба и... ну на ценнике было сказано «ветчина и сыр». Самый недорогой.

Вдруг мне на талию легла чья-то ладонь.

— Лебедь, ты удивляешь меня всё больше, — протянул знакомый голос у самого уха.

Снова Матвей! И чего этому мажору-баскетболисту неймётся со мной общаться!?

Я убрала его руку и села за свободный столик со своим бутербродом и бутылкой воды. План у меня был простой: быстро поесть, делая вид, что никого вокруг не существует.

— За фигурой значит не следишь? — Матвей устроился напротив и смотрел не на меня, а на то, как я откусываю. Внимательно смотрел.

Я покачала головой и легко улыбнулась, мол я в себе уверена и принимаю своё тело таким, какое оно есть.

Нет. На самом деле не принимала. Грудь великовата, бёдра широковаты, да и животик не сказать чтобы плоский... В общем, стандартный набор претензий к себе.

Постаралась скрыть смущение за бравадой.

— Мне некогда за ней следить, на пары опаздываю.

— Твой парень должен лучше за тобой следить.

И тут Матвей перегнулся через стол и ловко вгрызся в мой бутерброд зубами, захватывая огромный кусок хлеба и выскользнувшую начинку в виде целого ломтика ветчины.

Что ж. Она там по крайней мере была.

— Это ж не еда! — сказал он, активно пережёвывая мою «нееду».

Я ничего не сказала. Только уныло вздохнула и положила оставшийся сендвич перед мажором.

Конечно, он не подумал, что для меня это полноценный завтрак и сидеть мне теперь голодной, пока макароны в общежитии не сварю после пар.

— Приятного аппетита.

Я встала, забрала сумку и отправилась на пару.

Действительно.

Была бы посмелей — потребовала бы новый бутерброд.

Но меня хватило только на то, чтобы сбежать.

Как-то всё на меня резко навалилось.

И отъезд папы, и коллекторы, и мамино сердце, и ужасный вечер в ресторане, и громила с его похотливым взглядом, и... Севостьянов, несущий меня на руках, и Севостьянов без футболки, и Севостьянов, открывающий мне термос... Всё накладывалось друг на друга слоями, а сверху вишенкой на этот плохой торт улёгся дурацкий бутерброд.

— Ку-у-уда пошла? — сказал Матвей, оставляя многострадальные «ветчину и сыр» на столике и увязываясь за мной.

— На пару, сказала же. Матвей, тебе что заняться больше нечем?

Единственное, чего мне хотелось, это плакать в одиночестве. А лучше в компании вкусной еды...

— Я занят, — серьёзным тоном ответил он и легко догнал меня, беря за руку.

— Чем же, это ты занят? — спросила я, отдёргивая ладонь.

— Аналитикой, — сказал он, разворачивая меня за плечи уже у самых дверей в аудиторию.

Я хмуро на него посмотрела.

— Ну давай, рассказывай, что показывает твоя аналитика, и уже оставь меня в покое.

Матвей пожал плечами:

— Моя аналитика показывает, что нет у тебя парня.

Я закатила глаза.

Он широко улыбнулся.

— Целочка ты.

— Какой же ты идиот.

— Я прав?

— Ты никогда не узнаешь!

Я попыталась пройти мимо него на пару, но этот баскетболист не дал мне прохода.

— Почему тогда в мужских трениках и на шпильках вчера в общагу приехала?

— У подружки ночевала, Матвей, а кроссовки забыла, мне пора идти, пара начинается.

Я пыталась выбраться из его вроде бы шутливой хватки, но у меня никак не выходило.

— А мне кажется, я узнаю, — сказал он довольно.

Вдруг дверь в аудиторию открылась и на пороге появилась Ольга Сергеевна.

Ольга Сергеевна вела английский и очень мне нравилась. Мне вообще все преподаватели в “Вереске” нравились за редким исключением. Но Ольга Сергеевна особенно крутая.

Стройная, элегантная, волосы собраны в гладкий пучок, очки с тонкой оправой на переносице, и этот её мягкий британский акцент, от эманаций которого хотелось писать идеальные эссе.

— Долго будете дискутировать на интимные темы? — спросила она резко, и я потеряла дар речи от стыда.

Матвей вдруг обнял меня за талию.

— Долго и со вкусом, Ольга Сергеевна, — ответил он.

— Вы с вашей девушкой сейчас долго и со вкусом будете дополнительные пятьдесят листов перевода писать, — вспыхнула она. — И никакой переводчик вам не поможет. Сядете передо мной без телефонов и встанете, только когда...

Я воспользовалась заминкой Матвея и выбралась из объятий.

— Извините, — кивнула Ольге Сергеевне и влетела в аудиторию.

Места были только посередине, так что я не задумываясь заняла третий от преподавательницы стол.

Дверь с грохотом закрылась.

— Лебедева, личную жизнь оставляйте за пределами этого класса. А лучше за пределами университетских стен!

В аудитории возбуждённо зашушукались.

Ну прекрасно...

И не объяснишь же, что я бы и рада эту самую личную жизнь где-нибудь оставить, но у меня её нет от слова совсем.

Почему-то вспомнилось вчерашнее утро и Севостьянов без рубашки...

Я помотала головой.

Нет. Это не считается.

— Сегодня рассматриваем грамматику, — объявила Ольга Сергеевна. — Лебедева, выходите к доске. Долго и со вкусом будем проверять ваши знания.

Я мысленно взвыла.

Глава 10. Очень мокрая Лебедева

Сегодня Ольга Сергеевна перестала быть моей любимой преподавательницей.

Так меня давнине мучали на занятиях. Последний был Севостьянов на своём зачёте по праву.

Вот он тоже отрывался по полной, вгрызаясь в каждый вопрос зубами, выпытывая у меня детали и подробности по каждой теме... А ведь это был только зачёт! Не экзамен.

Из класса я вышла голодная и злая на весь мир, а больше всего на Матвея Зорина! Воспоминания о бутерброде будоражили память, и я почти бегом рванула в общежитие, но зазвонил телефон.

Севостьянов.

— Кира, подойдите на парковку.

Какие там “здравствуйте” и “пожалуйста”...

— Хорошо, — буркнула я, мечтая только об одном — о еде.

Ладно, Кира, будем считать, что ты заботишься о фигуре.

Я развернулась и пошла на парковку.

На улице снова лил дождь. Зонта у меня конечно же с собой не было. Только белая рубашка, жилетка и джинсы... великолепный комплект “намокни и прилипни”.

Джип был заведён. Я встала напротив лобового, но этот гад даже не подумал выйти. Пришлось подойти к двери водителя и осторожно постучать костяшками по стеклу.

Он так резко дёрнулся, уронив телефон, что я сама испугалась.

— Блядь, Кира, ты чего не садишься? — рывкнул он, распахнул дверь и схватил меня за локоть.

Мы перешли на “ты”?..

— Носи зонт!

Он протащил меня обескураженную к пассажирскому сиденью и практически втолкнул в салон.

В машине было тепло. И пахло... им. Дорогим парфюмом и чем-то слишком взрослым для моей нервной системы.

— Мы куда? — ошарашенно спросила я.

— Домой.

— Д-домой? — мои брови неконтролируемо поползли вверх, а голос сорвался.

Арсений Михайлович нажал на кнопку, и салон наполнила музыка — спокойный, нагло-элитный джаз, который обычно включают в фильмах, когда герой делает вид, что у него нет проблем.

У Арсения Михайловича проблемы были. Это я поняла сразу — по тому, как он сжал руль. И по тому, как телефон, упавший секунду назад, криво лежал у рычага коробки передач экраном вверх. Экраном, который отражал двадцать пять пропущенных с неизвестного номера...

— Простите, — сказала я, хотя не считала себя виноватой ни в чём, кроме отсутствия зонта и нервных клеток. — Но... вы сказали “домой”. Это... куда именно?

Не к маме же он меня везёт? Может, передумал, чтобы я была его помощницей и решил избавиться? И маме всё расскажет?

Мне стало страшно.

Арсений Михайлович ответил не сразу, сначала просто смотрел на дорогу, уверенно влияясь в поток на шоссе.

— Ко мне.

И вот вроде и облегчение, что маме он ничего не рассказал, но и... непонимание.

— А мне там что делать? – спросила я тут же.

— Для начала сохнуть и есть.

— А потом?

— А потом посмотрим.

— Арсений Михайлович, при всём уважении, так не пойдёт. Остановите машину, пожалуйста.

Он скрипнул зубами.

— Почему твоя сознательность просыпается всегда в такие неудобные для меня моменты, Лебедева? — прорычал он. — Ты по договору кто? Ассистентка. Вот и будешь мне ассистировать.

— Всю ночь? — испуганно уточнила я.

— Да зачем всю ночь... Нам пару часов хватит.

С каждым его ответом вопросов у меня в голове меньше не становилось!

Я смотрела в окно, как пластиковые дворники яростно размазывают воду по стеклу, и пыталась придумать хотя бы один адекватный вариант развития событий. Получалось плохо.

— Вы вообще часто так... решаете вопросы?

— Как?

— Ну вот так, сказал, значит так будет, а другим ничего объяснять не надо.

— Часто.

Прекрасно. Просто прекрасно...

Телефон у рычага снова завибрировал. Экран вспыхнул, высветив “Неизвестный номер”. Арсений Михайлович одним движением нажал на кнопку и тот перестал издавать вообще какие-либо звуки.

— Что хочешь на ужин? — вдруг спросил он.

— Макароны, которые я сварю в общаге, — ответила я.

Но воображение уже подбрасывало мне варианты. Суши. Мммм... Или просто пицца с огромной миской салата. Или изысканно запечённое мясо... Курочка под сливочным соусом, картошечка с маслом...

— Значит, паста. Мясо какое?

— Говядина, — сказала я самое сытное, что смогла придумать.

Он взял мобильник и набрал кого-то.

— Галя, добрый вечер, всё хорошо, спасибо, мне сегодня пасту болоньезе. Что? Нет, что ты, стейк, как обычно. Эм.. Да?

Он повернулся ко мне.

— Галя говорит, ты захочешь салат, она права?

Я несмело кивнула, тут же заливаясь краской. На салат у меня вечно денег не хватает.

— Какой?

Я пожала плечами.

— Цезарь давай... нет, мы сегодня без вина.

Мы остановились на светофоре, Арсений снова повернулся ко мне.

— Сок какой будешь?

— Апельсиновый, — буркнула я, смущённая.

Свежевыжатый сок, роскошество какое...

Я надеюсь, он не думает, что я с ним за еду буду... ну...

Мы наконец приехали. Заехали на крытую парковку.

— Сиди.

Арсений Михайлович вышел первым, обошёл машину и открыл мне дверь. Не галантно. Функционально. По привычке как будто.

Я вылезла из авто. На парковке было тепло, но от лёгкого ветерка меня всё равно зазнобило.

— Идём, — бросил он.

— Я вообще-то... — начала я, но он уже шагнул ко входу, не сомневаясь, что я последую.

И я последовала, потому что альтернативе болоньезе с апельсиновым соком был дождь, пустой желудок и дорогущее такси до общаги.

Мы поздоровались с консьержкой, поднялись на этаж, я смутно помнила эти коридоры.

— Снимай мокрое, — сказал он, проходя вглубь квартиры.

Я застыла.

— Простите?!

Глава 11. Сытный ужин

Я застыла в холле его квартиры. Он повернулся медленно. И посмотрел на меня тем самым Севостьяновским взглядом — убийственным.

— Одежду снимай, тебе в этом ещё завтра на работу идти, — сказал как отрезал прямо. — В ванной полотенца и халат.

— Мы... мы не настолько близки, чтобы вы так командовали, — заплетающимся языком проговорила я.

— Лебедева, — опасно протянул он. — Ты меня невероятно бесишь! У тебя рубашка насквозь мокрая. Я форму твоей груди с трёх метров вижу. Иди в душ или я сам тебя раздену. Опыт имеется!

У меня аж рот открылся от шока! Так это он с меня платье снял?! Я тут же запахла лучше жилетку!

— Ванная там. Я у себя. Через полчаса будь вменяемой.

Вменяемой?! Вменяемой?!

Хотелось крушить! А он просто ушёл “к себе”!

Я тоже ушла — в ванную, заперлась, снимая мокрое с такой злостью, будто это рубашка во всём виновата.

В его ванной было просторно, тепло и вкусно пахло.

Я с ненавистью оглядела пузырьки.

Ничего женского кроме нескольких вещей.

Новая зубная щётка в стакане, рядом паста и расчёска в упаковке. Новый халат на вешалке. С биркой.

Но главное...

Главное это фен.

Новенький. Новорожденный фен. Мерседес в мире фенов. Нет. Феррари в мире фенов! Коробка не распечатана.

Он же не мог это купить для меня?

Это он для своих пассий наверное купил.

Злость сменилась непониманием. А непонимание раздражением.

Но крушить дом Севостьянова почему-то расхотелось. Хотя бы ради фена.

Решила принять горячий душ. Гель для душа у него тоже оказался афигенный. Запах — сказка! Дорогой, наверное...

Фен я открывать не стала. А вот с халата бирку сняла — он же сам сказал “халат в ванной”.

Из ванной я вышла распаренная, расслабленная и подобревшая.

А этот подлец уже шебуршал на кухне, распространяя по дому волнительные ароматы ужина.

— Чего волосы не высушила? Дома прохладно, — сказал он сходу, только взглянув на меня.

— Фен в коробке.

— Тебе помочь распаковать?

Неужели правда для меня купил?!

Нет...

Нет!

Он же не думает, что я с ним из-за фена буду...

— Арсений Михайлович! — бессильно сказала я.

— Что, Кира Викторовна? — насмешливо вернул он.

— Я вас не понимаю!

Арсений перестал доставать контейнеры из пакета и повернулся ко мне. Мокрой. Босой. В его халате.

— Тапочки надо купить, — хмурясь сказал он и ушёл куда-то.

Я проследила за ним взглядом и застыла.

Да что здесь происходит?

Арсений вернулся с носками.

— Это термо. Они чистые и тёплые — надевай.

Он подал мне свои носки.

Я засмеялась.

И ещё сильнее, когда увидела его хмурое выражение лица.

Севостьянов делился со мной носками! Кому расскажешь — никто не поверит!

— Лебедева, ты употребляешь что-то? — нахмурился он.

— Нет, Арсений Михайлович. Я с самого утра ни крошки не употребила.

Слукавила, бутерброд “ветчина и сыр” я откусить один раз успела.

— Тогда надевай носки и садись есть.

Ерунда какая-то. Не понимаю я этого мужчину.

Я послушалась и села за стол. Носки оказались колючими и огромными.

Чувствовала я себя в них престранно.

Сидела за чужим столом в мужском халате и носках, пахнущая мужским гелем для душа, а передо мной препод по праву ставил контейнеры с едой, от запаха которой кружилась голова.

Я посмотрела на наш шикарный стол из контейнеров и встала.

— Тарелки здесь? — спросила, указывая на шкафчик над раковиной.

— Нет, — Арсений Михайлович подошёл ближе и указал на правильный шкафчик.

Я открыла дверцу и начала доставать тарелки.

Он был прямо за мной. Почему не уходил?

— Тебе идёт этот запах, — сказал тихо.

А я почему-то услышала “тебе идёт МОЙ запах”.

— Простите, что воспользовалась вашим гелем, — обернулась я сразу, желая оправдаться, потому что стало стыдно.

Зря.

Ведь он даже и не думал отстраниться.

— ...но у меня с собой ничего не было.

Несколько мгновений он рассматривал меня, а я его. Вот так близко.

Он протянул руку и открыл ящик с приборами справа от моих бёдер.

— Вилки здесь.

Сглотнул, смотря почему-то на мои губы, и отошёл к столу.

Я выдохнула. Быть с ним рядом становилось как-то опасно. Стараясь отвлечься, я аккуратно переложила еду на тарелки. Получилось красиво — прямо как в ресторане.

— Цезарь будете? Здесь много, — сказала я.

— Нет.

— Вообще-то с мясом нужны какие-то овощи, — возразила, смотря на сиротливо лежащий кусок мяса в его тарелке.

— Кто сказал? — нахмурился Арсений Михайлович.

Или мне уже можно называть его просто “Арсений”?

— Ну врачи говорят, — пожала плечами я. — Клетчатка, все дела, витаминчики.

— Я пью витамины в капсулах. А ты, кстати пьёшь?

— Нет.

Какие уж тут витамины, когда ни на что денег не хватает...

Я поставила перед ним красивую тарелку с разогретым стейком и всё-таки с горкой листьев из цезаря. Сверху присыпала сыром и положила разрезанную помидорку черри.

— Так-то лучше, — сказала с удовольствием и села напротив, придвинув к себе пасту болоньезе.

— Приятного аппетита, Кира.

— Приятного, Арсений Михалыч.

— Михайлович.

— Я так и сказала.

Я взяла вилку. Руки дрожали — от голода, от неловкости, от странности всего происходящего. Первый же кусочек оказался таким вкусным, что я чуть не застонала вслух. Остановилась только потому, что он сидел напротив и внимательно следил за каждым моим движением.

— Нормально? — спросил он.

— Угу-у-у-у, — выдала я, не в силах соврать.

Он хмыкнул. Победно. Будто так и знал.

Мы ели молча. Я, как человек, которого только что спасли от голодной смерти. Он, как всегда, как робот, которому поставили задачу есть аккуратно.

Еда была просто божественной! Вкуснее я ничего и никогда не ела! Пища богов.

— Арсений Михайлович, так почему я здесь? — спросила, когда съела половину и поняла, что больше в меня не влезет.

— Поговорим об этом как-нибудь потом, — сказал он.

— А может сейчас?

— Нет, сейчас ты будешь открывать фен, — Арсений отложил нож и вилку.

Я постаралась выглядеть отстранённой. Да меня вообще никакие фены не колышат.

Даже те, которые Феррари.

Не колышат я сказала!

Он улыбнулся.

— Мне сказали, он хороший.

— Не соврали, — ответила я. — Но мы не будем его открывать.

— Почему? — нахмурился мой бешеный препод.

— Потому что это дорогая вещь. Подарите его своей девушке. Она оценит, — сказала я максимально ровно. Беспристрастно, насколько смогла.

— У меня нет девушки, Лебедева. Зато есть не в меру говорливая ассистентка, у которой голова мокрая.

— Высохнет ваша ассистентка, — возразила я. — И спать с вами ассистентка не будет.

— Блять, Кира! — ошетинился он так, что я испугалась и выронила вилку. — Ты перестанешь повторять это?! Я могу воспринять твои слова за вызов!

— Объясните всё нормально и перестану повторять! — тоже вспылила я. — Ну, зачем вы меня сюда привезли? В прошлый раз понимаю. А сейчас зачем?

— Затем, что мне надо, чтобы ты была перед глазами, — прорычал он. — Что не ясно?

— Всё не ясно! Зачем? Я не ваша пассия! — вырвалось у меня.

— А чья ты пассия? — вдруг как-то зло спросил он. — Зорина?

Я опешила.

— А Матвей тут причем?

— Матвей, значит...

— Арсений Михайлович, я ничья пассия, — сказала, чтобы прекратить странные домыслы.

— А голосок-то дрожит, — сказал он недовольно.

— Что?!

— Не спорь с юристом, — холодно отрезал Арсений. — Мы замечаем детали.

Я сжала в руке вилку так, что побелели пальцы.

Он что меня ревнует?..

Ой божечки мои, я всё как-то неправильно понимаю, а как здесь всё правильно, я даже и представить не могу!

— Арсений Михайлович, окей, Зорин, окей, пассия. Я вам здесь зачем? Мы работать сегодня будем? Или вам ассистентка зачем нужна?

— Посуду вымой, — он резко встал из-за стола, аж стул не выдержал и с грохотом упал на спинку. — Голову высуши. Я в тренажёрку.

— Я тогда домой поеду, — сказала я, тоже вставая.

— Блять, да за что мне это?!

Он взял меня за руку и повёл в ванную.

Я безропотно пошла за ним.

Коробка от супер-пупер дорогого фена была разодрана в хлам не совсем уравновешенным юристом за считанные секунды.

Вроде адвокат знаменитый, а такой псих.

Может, он поэтому уволился?

— Арсений Михайлович, а вы почему практику завершили? — спросила я, смотря, как он кромсает коробку, которая сбоку открывалась...

— Кто сказал, что я завершил практику? — недовольно спросил он.

— Ну вы же в суде больше не работаете, — пожалала плечами я. — Дела не берёте.

— Беру. Иногда. Твоё вот взял, — сказал он и, наконец, открыл многострадальный фенари-фен.

— Красивый како-о-о-ой, — тут же выдала моя внутренняя сорока.

Руки сами собой потянулись к приборчику.

Я взяла его — солидный, минималистичный, гладкий.

Арсений молча прислонился к косяку и скрестил руки на груди, наблюдая за мной.

Я включила фен на минимальный режим. Тёплый, шелковистый поток воздуха обнял мокрые пряди. Я закрыла глаза на секунду — это было невыносимо приятно после ледяного дождя и колючего внимания Севостьянова.

Я медленно, почти медитативно, стала направлять струю воздуха то туда, то сюда, поворачивая голову и используя щётку, которая шла в комплекте.

В зеркале увидела его отражение. Он не отводил от меня глаз. Но смотрел не оценивающе и не голодно. Это было что-то другое. Наблюдательное. Клинически-внимательное. Будто он изучал сложный процесс, вникал в алгоритм. Следил, как мокрые тёмные пряди становятся легче, как они начинают отсвечивать каштановым.

И тем не менее его взгляд задерживался не только на моих волосах. Он скользил по линии моего плеча, по шее, по напряжённой руке, которая держала фен.

— Арсений Михайлович, давайте вас тоже посушим? — пошутила я и направила струю воздуха в него.

Шутка чистой воды, секундная бравада, детская попытка чуть-чуть уколоть хладнокровного юриста.

Но стоило тёплой струе воздуха коснуться его лица, как он двинулся.

Не рывком — хуже.

Медленно. Неотвратно. Решительно.

Секунда, и я поймана в его объятия и прижата попой к раковине.

Глава 12. Не дёргай тигра за усы

Поверхность раковины холодила одну ладонь, а во второй всё ещё шумел фен. И Севостьянов рядом. Совсем близко.

— Не балуйся, — сказал он тихо, почти шепотом. Но тон... тон был таким, что у меня пересохло во рту.

Фен жужжал в моей руке, но мужчина протянул ладонь и мягко, без давления, выключил его.

Клац.

И тишина резко опустилась между нами тяжёлым пуховым одеялом.

— Вы что делаете?.. — прошептала я.

Он обхватил край раковины руками по обе стороны от меня, наклоняясь так, что между нами расстояния осталось сантиметров пять. Но по ощущениям — ноль.

— Арсений Михайлович... — выдохнула я, не узнав собственного голоса. — Так... нельзя.

— Согласен, — прошептал он. — Нельзя.

Но не отходил.

И дышал слишком ровно, слишком хладнокровно, только глаза были неправильно тёмные, не ледяные, как обычно.

— Хочешь, чтобы я отступил? — спросил он ровно.

— Д-да.

Я оцепенела. Он смотрел прямо в меня, прямо в душу мне своими серыми океанами!

— Врёшь, — произнёс он почти ласково. И взгляд опустился к моим губам. Я почувствовала это физически — будто он их пальцами коснулся, хотя и не двигался. И я зачем-то их приоткрыла.

Сердце сделало кульбит. Ещё один.

Севостьянов чуть наклонился, но этого хватило, чтобы весь мой мир качнулся.

Его губы были так близко, что я будто чувствовала их тепло. Всего один резкий вдох и мы бы соприкоснулись.

— Я вам не пара, — сказала я.

Он поднял руку. К моим волосам.

Большим пальцем поймал влажную прядь у виска. Поднял медленно и аккуратно заправил за ухо.

— Мне никто не пара.

Как же пахнет он одуряюще. Кажется, не надышаться им никогда.

— Ты дрожишь, — произнёс он.

— Мне... холодно.

— Нет. — Севостьянов чуть усмехнулся одним уголком рта. — Это не холод.

И снова взгляд на губы.

Сейчас.

Ещё чуть-чуть и он меня поцелует.

Секунда.

Половина секунды.

— Я сок не допила!

Толкнула его в грудь и выбежала на кухню прямо с новеньким феном!

Боже какая я идиотка!

Какой сок?!

Не представляю, что он обо мне подумал, но я четко услышала позади себя смех.

К чёрту! Пусть думает, что хочет!

Я вцепилась в спасительный стакан с апельсиновым соком.

— Решено, — заявил Арсений Михайлович, появляясь на пороге своей кухни. — Ассистентка, мы сегодня смотрим кино!

— Какое к-кино? — спросила я и сделала жадный глоток сока, который конечно же попал не в то горло.

Закашлялась.

Стакан у меня из рук отобрали, а саму меня за талию повлекли в гостинную.

— Юрическое, Кира, юридическое кино. “Эрин Брокович” смотрела?

Я замотала головой, не совсем уверенная, на что именно я выражаю несогласие. На то, что меня наглым образом усаживают на уютный диван рядом с моим преподам по праву, или на то, что его рука с моей талии никуда не делась...

— Вот и хорошо, — довольно сказал Севостьянов.

Он нажал на кнопку, и шторы на окне поехали друг к другу. Взял со спинки дивана плед и укрыв нас обоих, а потом реально включил свой огромный телек.

— Арсений Михайлович...

— Тшшш... — нашипел он на меня, включая кино. — Английский хорошо знаешь?

Я кивнула.

— Тогда у нас урок два в одном — и про хорошего юриста фильм посмотришь, и английский попрактикуешь.

И пообнимаюсь с одним... — додумала я, но вслух ничего не сказала.

Фильм начался, и через несколько минут я вроде бы даже расслабилась.

Вроде бы.

На деле я сидела, как правильно запакованная взрывчатка: неподвижная, но достаточно нагретая, чтобы ба-а-ахнуть при неверном движении.

Севостьянов сидел спокойно.

Чересчур спокойно.

Как будто и не было того почти-поцелуя в ванной. Как будто это не он подошёл ко мне так близко, трогал мои волосы, да и сей час не убирал руки с моей талии.

Фильм шёл, а я то погружалась в сюжет, то выныривала, чувствуя кожей его присутствие. Тепло. Запах. Спокойствие, которым он меня почему-то окутывал, будто это нормально.

Минут через двадцать его пальцы сдвинулись на сантиметр.

У меня опять дыхание сбилось.

Я сосредоточенно уставилась на экран. Там Джулия Робертс спасала мир, шла одна против огромной корпорации...

А я сидела рядом со своим преподавателем, который совсем недавно почти меня поцеловал, купил для меня фен, покормил пастой болоньезе, укутал пледом и теперь учит английскому через кино.

Что вообще происходит?..

В какой-то момент я почувствовала, что веки тяжелеют. Слишком тепло. Слишком уютно. И слишком безопасно, что, конечно же, ложь. Но тело не мозг. Телу плевать на мои доводы. Моё тело среагировало на усталость, долгий день, сытный ужин и полумрак...

Я уронила голову чуть вбок.

Не на него — на плед.

Но плед, кажется, всё-таки был на нём.

Голова скользнула... и легла ему на плечо.

В ту же секунду я дёрнулась, пытаясь отстраниться, но его рука сместилась повыше, крепче прижимая меня к торсу Севостьянова.

— Спи, — сказал он тихо.

— Я... я не хочу...

— Кира. — Его голос стал ниже. — Расслабься. Я тебя не трону.

Я хотела что-то сказать. Хотела уйти. Хотела проснуться.

Но тело выбрало другой вариант.

Я уснула у Севостьянова на плече. У вкуснопахнущего бешеного профессора. И это случилось так легко, будто это было самым естественным в мире.

Но вот когда я проснулась...

Глава 13. Снова в его постели

Я медленно открыла глаза и лениво потянулась, с тем редким ощущением абсолютного уюта, когда тело не хочет ничего анализировать.

Тепло. Уютно. Спокойно. Никаких тревог. Полная безопасность и безмятежность.

И бежать никуда не надо.

Стоп! Бежать-то как раз надо, мне к первой паре...

Но было одно “но” — большая, тяжёлая мужская рука лежала у меня на талии.

Не просто лежала — обнимала. Уверенно. Основательно.

Так, будто моя талия — это её законное место.

Я машинально вдохнула глубже и почувствовала под щекой нечто тёплое, твёрдое и... живое!

Грудь!

Тоже мужская.

Я резко подняла голову. Сознание включилось тоже рывком.

И поняла, что лежу на Севостьянове в его спальне. Почти всем телом прижавшись к нему. Так тесно, что между нами не было ни воздуха, ни шансов, чтобы проигнорировать это, как что-то незначительное.

Я была в халате — в его халате — и пояс на талии ослаб, держался на честном слове. Полы разошлись, и его ладонь покоилась прямо на моём теле, на голой коже, под тканью, уверенно удерживая меня ближе, чем дозволено любыми правилами приличия.

А он...

Он вообще был только в боксерах! И я кожей ощущала его кожу!

Бедрами, животом, руками.. Каждым нервом!

И хуже всего — мне это безумно нравилось. Нравилось тепло его тела. Нравилась тяжесть руки. Нравилось, как я идеально в него вписывалась — каждым изгибом, будто так и должно быть.

Это было неправильно.

Неприлично.

Опасно.

И слишком хорошо.

— О боже... — выдохнула я и дёрнулась, вставая с мужчины.

Резко.

Слишком резко.

Рукой я задела его лицо, кажется, нос. Зажмурилась от ужаса, но он даже не проснулся.

Наоборот.

Он только крепче прижал меня к себе и уткнулся носом мне в волосы, глубоко вдохнув, как человек, который нашёл что-то ценное и не собирается отпускать.

— Спи, Лебедева... — пробормотал он хрипло.

Я замерла.

— Спи... — повторил он. — И не дёргайся.

О боже.

Я почувствовала ещё одну вещь. Очень очевидную. Очень мужскую.

Я едва заметно поёрзала, пытаюсь понять — может, показалось?..

Но в ту же секунду он шевельнулся в ответ на мои движения.

Я перестала дышать.

— Арсений Михайлович... — промямлила.

Севостьянов не открыл глаз, только по-хозяйски опустил свою пятерню на мою еле прикрытую пятую точку под полой халата, погладил осторожно, будто успокаивая, мол засыпай...

— Тихо, — сказал он сонно, а затем ещё и собственническим жестом хорошенько её смял, прижимая мои бёдра сильнее к себе!

— Арсений Михайлович! — громко и пронзительно запротестовала я, вскакивая с кровати и поправляя на себе халат.

— Лебедева, ты ненормальная? — спросил он, садясь и проводя рукой по лицу.

Я отскочила подальше и сильнее затянула пояс халата.

Севостьянов поднялся.

В боксерах.

У меня рот открылся сам.

Я тут же отвернулась и на всякий случай зажмурилась.

Позади раздался усталый вздох.

— Всё, всё, не пугайся. Можешь поворачиваться.

— Я не хочу поворачиваться! — взвизгнула я.

— Ладно, — усмехнулся он. — Тогда хотя бы глаза открой.

Я открыла.

Севостьянов стоял передо мной в тёплом махровом халате.

В таком же, как был на мне, только побольше размером.

— Я приготовлю завтрак, — сказал он спокойно. — А ты собирайся.

Я посмотрела на часы.

— Я опоздала на первую пару...

— Что у тебя? Английский? — уточнил он. — Я напишу Ольге Сергеевне, что ты была занята по моему поручению.

— По какому? — насторожилась я. — Работала над вашей высыпаемостью?

— Не драматизируй. Повышала эффективность научно-исследовательского процесса.

— Каким образом? — я сузила глаза.

— Самым приятным, Лебедева, — ровно ответил он. — Высыпалась — значит, будешь работать лучше.

Я фыркнула и убежала в комнату, где осталась моя одежда. Привела себя в порядок на скорости паники. Пальцы дрожали, когда я застёгивала пуговицы.

А когда вернулась, Севостьянов уже снова шебуршал на кухне.

На столе стояли две тарелки с омлетом, нарезки и вчерашний апельсиновый сок.

— У вас хорошо получается, — сказала я, кивая на завтрак.

Он почему-то смутился.

Мы начали есть. Я торопилась, и кусочек омлета упал мне на рубашку.

— Чёрт!..

— Лебедева, прекрати мельтешить, — сказал он. — Ничего хорошего из этого всё равно не выходит.

— Простите, Арсений Михайлович... Нервничаю.

— А ты не нервничай.

— В понятие стрессоустойчивости обычно не входит необходимость просыпаться в обнимку со своим работодателем.

Он усмехнулся.

— Всю ночь тебя это почему-то не беспокоило.

— Может, потому что я спала и была невменяема?

Он прищурился.

— Я так посмотрю, ты часто бываешь невменяемой, Лебедева.

Я вспыхнула.

— Я просто устала. И ничего не ела целый день, поэтому так крепко уснула.

— А почему ты не ела? Фигуру бережёшь? — неодобрительно нахмурился он.

— Потому что не было времени сходить в общежитие и приготовить полноценную еду.

— Ну хотя бы неполноценную еду в буфете не могла перехватить? Буфеты вообще для чего существуют в Вереске?

Он ждал.

Хотел, чтобы я сказала это вслух?

Чтобы унизилась в очередной раз?

— Не все могут позволить себе питаться в буфетах Вересково, Арсений Михайлович, — наконец выдавила я.

— Так бы и сказала, — спокойно ответил он и потянулся за кошельком.

Я резко встала из-за стола.

— Спасибо большое. До университета я доберусь сама.

— Кира, ну что опять? — взвыл Севостьянов.

А мне почему-то стало мерзко.

Как будто мне заплатили. Как будто он мне содержание хотел выдать.

Не за секс, конечно, уже хорошо. А просто за то, чтобы я была рядом. Реально какая-то эскортница! Поработала ночью чужой подушкой.

Хотя... если так судить, то это Севостьянов моей подушкой работал.

— Ведёшь себя неразумно, — сказал он, ловя меня в коридоре.

— В чём же моя неразумность? — спросила я. — В том, что я не хочу брать деньги у мужчины, с которым проснулась? И с которым изначально и не хотела засыпать?

Он психанул.

— Очень не хотела, — процедил сквозь зубы. — Всю ночь меня обнимала — так сильно не хотела.

— Арсений Михайлович, это уже ни в какие ворота не лезет!

— Согласен, — холодно сказал он. — Будьте добры, Кира: соберите нормальную сумку с нормальным количеством вещей. Чтобы вы чувствовали себя здесь как дома. Составьте список покупок. Нам нужны обеды, которые мы будем брать с собой в университет. На двоих. Их готовить будете вы.

— Этого не было в моём трудовом договоре, — напомнила я.

— Как и пункта о разговорах с коллекторами, — отрезал он. — А теперь марш за стол.

Я колебалась.

— Вам надо поесть, — сказал он медленно. — Мне нужна помощница, которая способна работать.

Он отстранился, но выход перекрыл.

— Хорошо. Только ради работы.

— Отлично, — сказал он. — Мы наконец-то начинаем понимать друг друга.

Я вернулась и стала доедать свой завтрак.

А Севостьянов в это время встал у окна, снял свой халат. Под халатом у него уже были брюки и белая рубашка. Видимо, надел его, чтобы в очередной раз не заляпаться, как я сейчас?

Хорош, гад.

Очень хорош.

Он накинул мне на плечи снятый халат.

— Зачем это? — возмутилась я.

— Холодно будет — я окно открою.

Так мы смотрели друг на друга. А потом я стала доедать омлет, а он отошёл к окну, открыл его и закурил, выпуская дым наружу.

- Давно курите? — спросила я.
- Давно не курил, но ты, Кира, даже мёртвого до нервного тика доведёшь.
- То есть вы из тех, кто использует сигареты как костыли? — насмешливо спросила я.
- Занервничал и сразу за пачку?
 - Он гневно потушил недокуренную сигарету.
 - Я усмехнулась.
 - В этот раз победа за мной!
 - Обедаем сегодня вместе, в ресторан пойдём. Надень что-нибудь подобающее.
 - А может, это я погорячилась с победой...
 - Без джинсов. Не заставляй меня объяснять дважды.

Глава 14. Работа

До Вереска доехали мы спокойно. Молчали, погружившись каждый в свои мысли. Только джаз играл в машине. Красивая музыка.

Остановился он снова около общежития.

— Не забудь про обед. И забудь про джинсы.

И откуда такая нелюбовь к джинсам?

— Хорошего дня, Арсений Михайлович, — сказала я и собралась выходить, а он вдруг взял меня за руку.

— Если у тебя будут какие-то проблемы, напиши мне сразу.

Он так пронзительно посмотрел мне в глаза своими этими многовековыми ледниками, что застал меня врасплох.

— Хорошо, напишу, — пообещала я.

Он отпустил тогда, а я вдруг подумала, как холодно без его горячих прикосновений.

Опасная мысль. Неправильная.

Не напишу я ему, если будут у меня проблемы... не напишу.

Шла к общежитию и всё вертела в голове: привыкну к нему и останусь с разбитым сердцем. И не от любви, нет. Это же не любовь. Это что-то физическое. Ну вроде тёплой шапки. У тебя могут быть красивые лёгкие шапочки, могут быть шляпки, кепки, косынки, но если нет тёплой шапки, то зимой придётся не сладко. Вот Севостьянов будто начинал становится моей тёплой шапкой. Успокоит, когда надо. Накормит. Поможет. А потом сбежит моя шапка, променяет меня на чужую светлую голову. А мне что делать, когда зима придёт?

За этим дебильными мыслями я вернулась к себе в общежитие. Соседки не было — на парах, и я этому очень обрадовалась. Не хотелось сейчас никому объяснять, где была и почему у Арсения Михайловича ночевала... опять.

Арсений Михайлович.

Как его друзья называют? Интересно...

Встала перед шкафом. “Не джинсы”. Да что он взъелся на мои джинсы?! Самая лучшая одежда в мире!

Я посмотрела на свою университетскую форму.

Подобает для ресторана? Нет. Я в ней выгляжу, как школьница.

Я смотрела на свой нехитрый гардероб с растущей паникой. Ничего не подходило под категорию “не джинсы”, “не порно школьница” и “подобает для дорогого ресторана”. Я поймала себя на том, что оцениваю наряд его глазами. Что он сочтёт уместным? Что заставит его взгляд на миг задержаться — не с критикой, а с... Одним словом, опасная территория.

Остановилась на черных широких брюках с высокой талией и простой бежевой водолазке. Наверное, хорошо... Привела себя в порядок, нарядилась. Да не для него я красилась. Нет конечно, это я для себя. И локоны для себя сделала.

Две пары английского я пропустила, пошла на следующую — то была скучная лекция, но скучная только по началу. Стараясь активно не думать о всяких там горячих профессорах я здорово вовлеклась в занятие — размашисто записывала конспект, отвечала на наводящие вопросы преподавателя, тоже мужчины кстати.

Только с Севостьяновым они были ну совсем не похожи. Севостьянов красивый, спортивный, подтянутый, а этот сидит, расслабленно развалившись в своём кресле, только что не разлётся.

Так, стоп. Опять Севостьянов? Он вообще мои мысли покидает?

Лекция закончилась, и я, наконец, оторвалась от конспекта. Вокруг задвигались стулья, зашумели голоса.

— Отлично, Лебедева, ставлю вам пятнадцать баллов за работу на занятии, — сказал препод.

Я поблагодарила его и вышла из аудитории, но по пути на следующую пару меня перехватил Матвей. Сунул в одну руку стаканчик кофе, а в другую бутерброд.

— Я тебе задолжал.

Я удивлённо посмотрела на еду.

— Спасибо.

Ну какая прелесть сегодня, а? Баллы хорошие, забота...

Матвей нетерпеливо распаковал бутерброд прямо у меня в руке.

— Ешь.

Я откусила.

— Вкусно.

— Ты сахара сколько кладёшь? — спросил он, кивнув на кофе.

— Половинку пакетика.

— Там целый.

— Ничего, — улыбнулась я.

Настроение было хорошим.

— В пятницу намечается движ на...

— Лебедева, телефон для кого создан? — услышала я голос Арсения Михайловича.

Резко развернулась. Он оглядел меня. Это заняло секунду, но принесло мне столько удовольствия... это удивление в глазах. Значит, брюки мои ему все-таки понравились. Потом его взгляд переместился на бутерброд в моей руке, на кофе и наконец на Матвея.

— Перед обедом зайдите ко мне, задание выдам.

Я кивнула. А Матвей зачем-то подошёл ко мне ближе и осторожно убрал крошку с моих губ.

— Ешь аккуратнее, — ласково сказал он.

Матвей? Зорин? Ласковый...

Я перевела взгляд обратно на Севостьянова, но увидела только удаляющуюся спину.

— Ты что-то от меня хочешь? — спросила я Зорина, вдруг очнувшись.

— Эмм... ну в конечном итоге да, — сказал он весело.

— И что?

— Как пойдёт. Может, детей, — усмехнулся он.

Я посмотрела скептически.

— А может, только руку и сердце, — предположил он.

— Сердце за кофе?

Я приподняла бровь и театрально откусила сендвич.

— Люди отдаются и за меньшее, — усмехнулся он, внимательно следя за мной. — Как ты сексуально это делаешь

— Что? — засмеялась я. — Поглощаю сендвич?

— Да, так и хочется тебя ещё чем-нибудь накормить.

Я застыла.

— Ешь давай! И со мной поделись, — он откусил, прямо у меня из рук.

Я покачала головой.

— Тебе больше индейка или говядина нравится? — спросил с набитым ртом так, будто ему действительно было это интересно.

Так мы и проболтали до начала следующей пары.

Сендвич он всё-таки доел, ну а я осталась с кофе. Как раз допивала его, когда заходила в аудиторию на следующую пару. И снова работа, включенность, конспекты. Мне опять поставили пятнадцать баллов — максимум, который можно заработать на одном занятии.

— Тебе в кофе допинг подмешали? — спросила Катя.

— Нет, я просто выспалась, — довольно ответила я.

И правда. Я и раньше хорошо училась, но такой энергии не чувствовала давно!

— Нет, она влюбилась, — заключила Катя, многозначительно щурясь. — Посмотрите, как у неё глаза горят!

Я только усмехнулась. Пусть думают, что хотят. Плевать.

Но пара кончилась, а значит, надо идти к Севостьянову.

И что-то как-то страшно мне стало.

Я бодро направилась к его кабинету, но чем ближе подходила, тем быстрее меня покидала всякая уверенность.

Встала у двери. Закусила губу. Ну всё, пора стучать.

Ну давай, поднимай руку, стучи.

Волосы поправила, кофточку одёрнула, подышала на руку – дыхание вроде свежее, брюки подтянула... и сзади раздался голос Севастьянова:

— Лебедева, мне вот интересно, вы ко мне так готовитесь или к работе?..

Глава 15. Красота любимого дела

Стыд во мне выпрямился и расправил крылья, а сама я вся сжалась от вопроса Арсения... Михайловича.

— К работе готовлюсь, конечно, — мой голос прозвучал неестественно высоко. — Что за задание вы хотели мне дать?

Севостьянов усмехнулся — одним уголком губ, беззвучно.

— Ответственное. Заходите.

Я повернула ручку и вошла в кабинет.

На моём столе лежало три папки.

— Вот, отобрал вам дела на вычитку, — сказал он, садясь в своё кресло. — Мне нужно резюме по каждому из них и сравнительный анализ.

— П-по каким критериям сравнивать?

— Сами определите, по каким, — невозмутимо сказал он.

И только когда я открыла папки, поняла в чём смысл.

Я открыла первую папку.

Микрозаймы. Девушка, мать-одиночка, долг, умноженный на безумные проценты. Вторая — кредит, оформленный на пенсионерку без её ведома. Рука потянулась к третьей.

Дело о вовлечении в проституцию.

На последнем щёки мои вспыхнули.

Я тяжело вздохнула и открыла табличку в компьютере. То ли после глубокого и долгого сна я перезарядилась, то ли это из-за вкусной и полезной еды, которой меня баловал Севостьянов, но работа пошла споро.

Раньше мне казалось, что юридический — это вот ну вообще не моё.

Это так скучно. Так мучительно. Так уныло.

Почему я училась на юридическом?

Да потому что грант сюда выдали. Выбирать не приходилось.

Но сейчас, разбираясь в этих делах, которые как будто бы немножко имели отношение к тому, что случилось со мной, я стала замечать красоту юриспруденции.

Смешно, да?

Красота бумажек и обвинений.

Но это на самом деле так.

Мама вот моя обожает химию. Она всю жизнь проработала лаборантом, у микроскопа. И она всегда говорила, что химия это самое красивое, что есть в мире. “Формула реакции — это поэма”. Я никогда не понимала. А сейчас, склонившись над распечатками, я вдруг уловила тот же ритм. Ритм причин и следствий.

А вот сейчас, в этом кабинете, закопавшись в распечатанные чёрно-белые листы, я наконец поняла её.

Передо мной словно развернулась симфония из доказательств.

И посреди этой симфонии я услышала голос Севостьянова:

— Кира? — ласково позвал он.

Я подняла глаза.

— Что? — спросила отчего-то шепотом.

А этот гад улыбался. Улыбался, как довольный кот.

— Понравилось что ли?

Я вернула лицу невозмутимое выражение.

— Дела ваши? Нет. С чего вы взяли?

— Ты улыбаешься и смотришь завороченно уже минут двадцать, — усмехнулся он.

Я растерялась. Да быть такого не может!

Он поймал меня.

— Оставляй дела, едем обедать, — предложил Севостьянов.

— Но я не закончила!.. — в моём голосе прозвучала искренняя досада.

Он встал с кресла и закрыл мою папку.

— Еда по расписанию, — он указал на часы. — Одевайся тепло, на улице ветер.

Я разочарованно вздохнула и вышла из-за стола.

— Пальто внизу в гардеробе, — сказала неохотно.

— Хорошо, завтра раздевайся здесь, — бросил он через плечо.

Эти его многозначные выражения!

Фраза повисла в воздухе. Без контекста, без пояснений. То ли забота, чтобы не бегать по этажам, то ли намёк, то ли проверка на реакцию. Я сглотнула, решив не комментировать.

— Встречаемся на парковке, — его голос догнал меня в коридоре.

Я кивнула.

Путь до гардеробной стал короткой передышкой. Голова гудела от открытий, а на губах всё ещё играла та самая предательская улыбка. Её и застал Матвей.

— Малая, куда торопишься? Дела горят? — он заблокировал дорогу, ухмыляясь.

— Да, по делам, — ответила я, пытаюсь обойти.

— По каким таким?

— Обедать с Севостьяновым едем, — выпалила я без обиняков

— С каких это пор профессора с ассистентками... обедают? — он растянул слово, вкладывая в него весь возможный подтекст.

— Когда дел много! — с жаром воскликнула я. — Представляешь, он мне на сравнительный анализ дал несколько дел. Прямо настоящих, от и до надо разобрать! Я сначала в общем и целом ознакомилась, думаю, что за бред, они такие разные. А потом как начала в детали вдаваться, а там везде один и тот же принцип в доказательстве вины был использован!

Я надела пальто.

— Это так красиво! Вообще просто безупречно! Это же надо вот так а!

Зорин по-моему не ожидал такого напора, но меня переполняли эмоции, а перед Севостьяновым откровенничать было стыдно.

— Нихера себе ты юрист, — ответил Зорин, смеясь.

И я замолчала, увидев его лицо. На нём было написано чистое, неподдельное недоумение. Он смотрел на меня, как на внезапно заговоривший на санскрите холодильник.

— Когда закончишь? Пошли вечером кофе пить?

— Я вечером кофе не пью. Это вредно для нервной системы, — отрезала я, натягивая пальто. — И планы уже есть.

Ещё бы у меня планы... Севостьянов заставит готовить обед на завтра. Шикарные планы. Или фильм посмотреть. Или ещё что-нибудь.

От этих планов почему-то захотелось улыбаться. Ой глупо. Глупо, Кира!.. Ты же для него так, временное. А вот щас влюбишься и всё. Как потом учиться?

Матвей тем временем наклонился и быстрым, неожиданным движением поцеловал меня в щёку.

— Ой! — я отпрянула.

— Приятного аппетита. И не усни от скуки за высокими материями, — он щёлкнул меня по носу. — Я бронирую твою пятницу. После матча пойдём кутить.

— Кутить? — спросила я с сомнением.

Было у меня такое впечатление, что я уже накутилась...

— Ага, победу отмечать, — весело сказал он.

А...баскетбол, сейчас же идёт какой-то чемпионат.

— А если проиграешь?

— Тогда будешь мне раны зализывать.

— Зализывать? — глупо повторила я.

— Ну как пойдёт, — ответил он.

Я покраснела.

— Идиот, — ответила я.

Попыталась дать ему по шапке, но куда мне — Зорин увернулся.

— В пятницу вечером ты моя! — крикнул он, уже убегая, а я поспешила на улицу.

Ни за что с ним никуда не пойду!

Но когда я вышла, застала идиллическую картину: Арсений стоял около своей машины, облокотившись плечом на дверь. А рядом с ним Ольга Сергеевна.

Она была без привычного строгого пиджака, в одном лёгком свитере, ветер играл её распущенными волосами.

И она смеялась, запрокинув голову, — низким, грудным, очень женственным смехом.

Арсений стоял, скрестив руки на груди, слегка наклонившись к ней, и на его лице была... улыбка. Не та, колючая усмешка, что он адресует мне. А другая. Лёгкая. Расслабленная настоящая улыбка.

Она ласково смела несуществующие пылинки с его плеча, а он...

Глава 16. Пирог и чай с брусникой

Я не стала дожидаться, чем там всё закончится. Подошла к машине сразу, не оглядываясь. Ольга Сергеевна что-то говорила Арсению полусшёпотом, и он наклонился к ней ближе, чтобы расслышать. Не интимно... но как-то слишком близко. Будто между ними было не только рабочее взаимопонимание, а ещё — что-то молчаливое, понятное только им двоим.

Что же. Мне не понятно.

Я шумно открыла дверь со своей стороны и, прежде чем сесть, сказала чуть громче, чем нужно:

— Нам ещё в магазин надо заехать. За продуктами.

Арсений бросил на меня короткий взгляд, не сказав ни слова. А вот Ольга Сергеевна обернулась, и её улыбка на долю секунды дрогнула, как свеча на сквозняке.

Я села в машину, захлопнула за собой дверь чуть сильнее, чем нужно и устроилась на сиденье, скрестив руки.

Арсений сел за руль почти сразу, быстро распрощавшись со своей Ольгой.

— Мстительная ты, Лебедева, — усмехнулся он, опуская ручной тормоз.

Я ничего не ответила. Не хотелось анализировать — ни свой поступок, ни его реакцию. А Севостьянов сидел на редкость довольный.

Он завёл двигатель и выехал со стоянки.

Я боялась, что он спросит у меня, зачем я это сказала, но ехали мы молча — только тихая классика по радио и приглушённые звуки дороги. Машина скользила по улицам мягко, уверенно, будто и она тоже предпочитала молчание и была довольна, как и её хозяин.

Так мы и добрались до ресторана — быстро, без пробок и слов.

Только шуршание шин по асфальту и тихое радио с классикой. Доехали до ресторана быстро. Без пробок, без слов.

Это было не романтическое место, а скорее — статусное и солидное.

Светлый зал, панорамные окна, в которых отражались дневное солнце и серебро офисных высоток. В воздухе витал аромат дорогого кофе, наверняка привезённого откуда-то с дальних берегов, зажаренного на дровах вверх ногами в рассветные часы, когда солнце только касается верхушек пальм чудесного острова.

В общем там были очень дорогие ароматы и очень уверенные в себе клиенты. Самое то для босса и помощницы.

Наверное.

Арсений помог мне снять пальто, и мы отправились за девушкой хостес, которой я тоже почему-то захотела сделать что-нибудь нехорошее за то, что она так откровенно пилилась на моего спутника.

Боже, я просто голодная, поэтому такая злая! Надо скорее поесть.

Нас проводили к столику у окна. Официант появился почти мгновенно. Молодой, уверенный. Он сразу обратил на меня внимание.

— Добрый день. Что желает барышня? Или, может, я порекомендую?

Я взяла меню, чтобы спрятаться за ним. Но он не спешил отходить. Смотрел, улыбался. Видимо решил, что мы с Арсением не... не что?! Кира, да что у тебя в голове? Вы с ним действительно просто коллеги!

— Мы возьмём стейк и цезарь, — ровно сказал Арсений.

— Два цезаря, — вмешалась я. — Вам тоже нужны овощи. Старость и всё такое, — подколола я.

Арсений приподнял бровь:

— Тогда два стейка, растущий организм и всё такое.

Официант кивнул, медленно переводя взгляд с Арсения на меня.

— Напитки?

Арсений наклонился ко мне, его рука легла на спинку моего стула. Указал пальцем в моё меню...

— Вот этот пирог очень вкусный. Давай его тоже закажем.

Я повернулась к нему, чтобы сказать, что он указывает на телячьи щёчки, а страница с десертами вообще в конце.

Но не успела.

Он поцеловал меня.

По це ло вал!

Не быстро. Не случайно. Не мимолётно. А по-настоящему. Глубоко. Медленно. Чувственно так. Распутно даже!

Касаясь языком моих губ и моего языка, лаская, нежась, проникая.

С намёком на всё, что могло бы быть между нами.

А я... боже я что ответила ему?!

Мир вокруг исчез. Остался только он. Его губы. Его тепло. Его вкус — уверенный, взрослый, обволакивающий, как какао с корицей в самую снежную зиму.

Когда он отстранился, официант стоял на месте, будто застыл. На лице у него уже не было той фирменной улыбки.

— Да, возьмём черничный пирог и чай с брусникой, — спокойно сказал Арсений.

А я всё ещё не могла выдохнуть. Только сидела, чувствуя, как пылают мои щёки.

Я целовалась с Севостьяновым.

Целовалась.

И мне понравилось!

Глава 17. Месть продолжается!

Я почему-то не могла пошевелиться.

А Арсений — спокоен, будто и не было того поцелуя. Будто не подрезал мне реальность на взлёте, не сорвал с катушки все мысли. Не устроил в голове правовой коллапс.

Он просто откинулся на спинку кресла, налил себе воды и, как ни в чём не бывало, сделал глоток.

Глыба льда в костюме-тройке.

А меня будто током шибануло. Руки дрожали, язык прилип к нёбу. Щёки пылали. Губы горели.

Я выдохнула и наконец посмотрела на него.

Он молча потягивал воду. Спокойный. Собранный.

Глыба льда, а не человек!

— Зря вы Арсений Михайлович юридическую практику завершили, — пробормотала я, пытаюсь вернуть голосу стабильность.

Он даже бровью не повёл.

— Кто сказал, что я её завершил?

— Здравый смысл подсказывает, у некоторых он ещё остался, — укусила я.

В уголке его рта дрогнула тень насмешки.

— Я полагаю, что вы, Лебедева, хотите сказать что-то ещё, — усмехнулся он. — Не стесняйтесь, Самовыражайтесь.

— Самовыражаться? Это не я сейчас устроила концерт перед официантом.

— Ещё бы, вы в это время были заняты флиртом, тоже своего рода концерт.

— Я не флитовала с ним, — вскинулась я.

— Я с Олей тоже не флитовал.

Я опешила от резкого перехода к моей преподше английского.

Оля. Да, сложно осознавать, что у моих преподав есть жизнь за пределами кампуса. Ласковые имена, любимые люди, дети, питомцы.

Хотя у этого вот никого нет.

Слова его прозвучали нарочито небрежно, но между строчек я слышала другое — упрямство, колючесть, уязвимость.

— Так это месть? — прошептала я. — Она вам так дорога, что вы готовы на низкие поступки?

Мысль обожгла.

Он резко развернулся ко мне.

— У тебя вата в голове, Лебедева, или ты и правда не понимаешь, что поцелуй к низким поступкам вряд ли можно отнести? — прорычал он.

И если поцелуй меня растревожил до дрожи, то слова словно выбросили в сугроб. Гнев взял верх над смятением. Холодный, чистый, как январский воздух.

— Целоваться у вас получается лучше, чем разговаривать!

К неудаче Севостьянова, кто-то из его знакомых решил подойти поздороваться.

Солидный мужчина, лет пятидесяти, с открытым лицом и уверенной походкой. Арсений резко встал. Я — за ним, по инерции.

— Пал Палыч, — сдержанно сказал Севостьянов, — это моя...

Пауза.

ПАУЗА!

Он уже даже не знает, как меня представить!

Я не дала ему договорить.

Просто шагнула ближе и поцеловала.
Да так, как никогда в жизни никого не целовала!
Решительно! Глубоко! Страстно!
Без колебаний.
Как будто прыгнула с обрыва в штормовое море.
Он замер, как будто не ожидал. Не от меня. Не так. Не здесь.
Ну уж извините, Арсений Михайлович, как вышло, так и получилось!
Мои пальцы легли ему на щеку, губы нашли его губы, и на секунду всё вокруг исчезло.
Только он. Только я. Только грохот сердца в ушах.
Пока я не очнулась от наваждения.
Отстранилась и повернулась к тому солидному мужчине, Пал Палычу [книга про Пал Палыча <https://litnet.com/shrt/НТ-К>):
— А я Кира...
Я протянула ему ладонь, мы пожали руки.
И всё. Запас моей смелости закончился, как батарейка.
Весь запал, видимо, ушёл на поцелуй.
Севостьянов обвил меня рукой за талию и закончил за меня ровным голосом:
— Моя бешеная девушка.
Пал Палыч хохотнул:
— Рад познакомиться, Кира. — Затем посмотрел на Арсения. — Я и не сомневался, что твоя избранница будет тебе под стать.
В этот момент подошёл официант, принёс стейки и салаты.
— Вам пирог сразу или попозже? — спросил он, теперь уже глядя на Арсения, а не на меня.
— Позже. Принеси нам ещё стейк и салат. — Арсений повернулся к Пал Палычу, кажется тот был его старым другом. — Ты с нами пообедаешь? Не видел тебя сто лет!
— Если не помешаю, — он посмотрел на меня.
— Я всегда рада встрече старых знакомых Арс...юши, — сказала я сладким голосом.
А что, отрываться? Так до конца!
Севостьянов от Арсюши аж поперхнулся воздухом.
— Присаживайтесь, — широко улыбнулась я.
А что, мне начинала нравится эта игра!
Мы присели за столик.
— Как Злата? Как дети? — спросил Арсений.
— Старшая пошла в школу, так что мы переехали из своего леса в город, — Пал Палыч тоже налил себе воды и отпил.
— Большой шаг, и как ты? Ты сколько лет не жил в городе?
— Даже не спрашивай. Много. Но я в порядке. Златка без ума рисует, выставка вот скоро, приходите, она будет рада.
— Как здорово! А что рисует?
— Пейзажи, людей, детей, зверей. Всё, что её вдохновляет, — улыбнулся Пал Палыч.
А я сразу подумала, что он наверное сильно любит свою жену.
— Она вообще человек такой... тонкий, — продолжил он, как-то вдохновлённо улыбаясь. — Видит в каждом больше, чем просто внешность. Говорит, мир — это не цвета, а чувства. Смотришь на её рисунки и вдруг видишь, как пахнет дождь или как звучит тишина.
Я замерла, слушая.
Это любовь, в которой нет места сомнениям. Только верность, дом, дети и вот эта особая зрелость, которая бывает только у тех, кто выбрал своё и больше не ищет.

— Она и детей так воспитывает, — продолжал он. — Спокойно, без давления. Знаешь, иногда просто смотрю, как она волосы девчонкам заплетает, как слушает их болтовню, и думаю: вот это и есть счастье.

— У вас же двое? Я ничего не пропустил? — спросил Арсений, тоже улыбаясь как-то открыто, по-честному.

— Да, старшей вот семь, такая растёт катастрофа! — широко улыбнулся он. — Дети это цветы жизни, но никто не предупреждал, что иногда они превращаются в кактусы!

Мы засмеялись, потом нам принесли еду, потом Арсений рассказывал, что “задолбала его Москва” и что он приехал сюда, работать в “Вересково”.

Я молча слушала их обоих, пока вдруг Пал Палыч не посмотрел на меня в упор.

— Буду рад узнать что-нибудь о тебе, Кира, какая девушка смогла остановить процесс саморазрушения у этого Профессора?

Кира

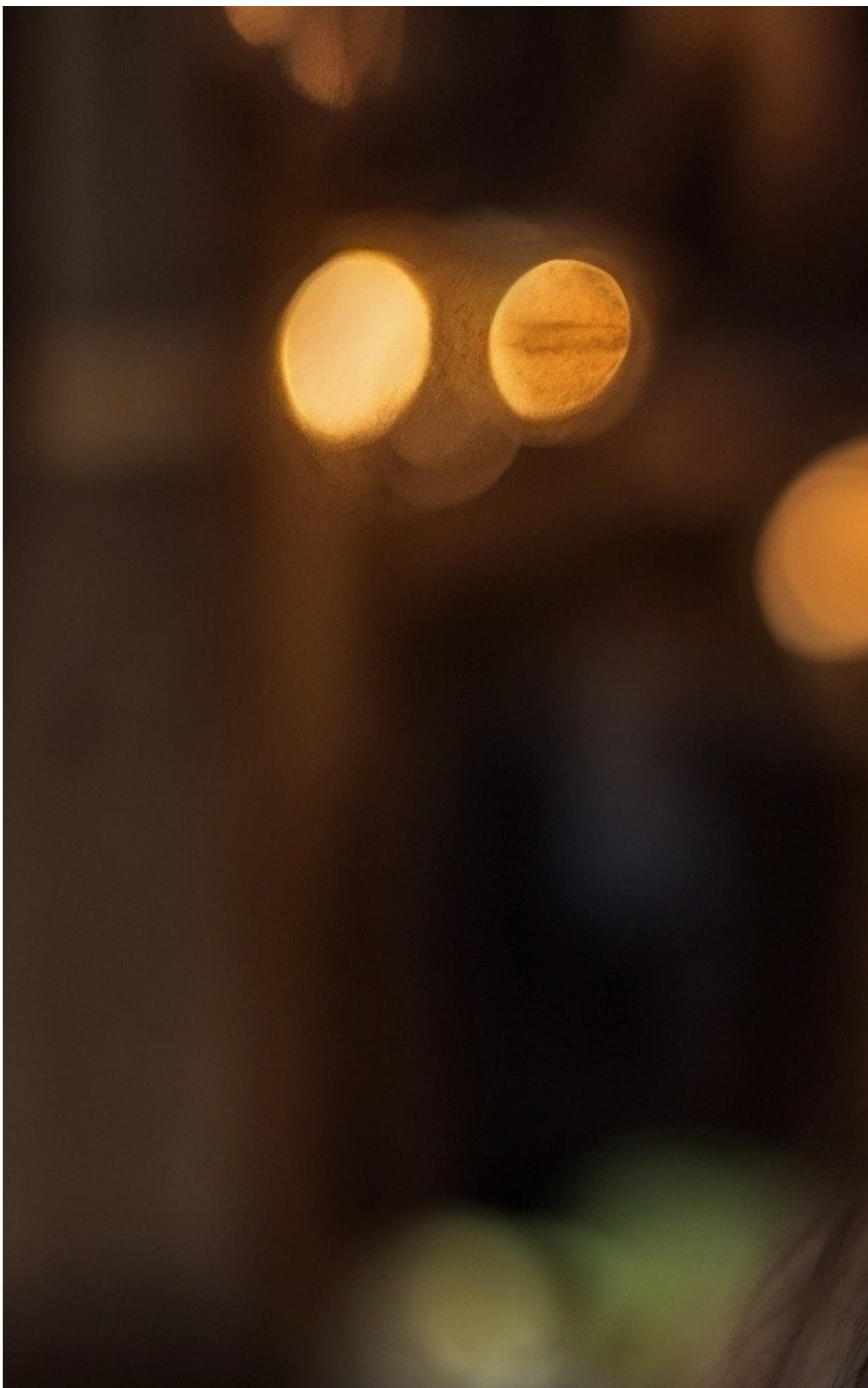
Я вспомнила, что не показала вам визуал нашей Киры!

Исправляюсь)

Вот наша Кира

Кира, которая поцеловала Профессора

Она не ищет проблем — просто всегда оказывается в их эпицентре.

А вот они с Арсением

Глава 18. Отдача

Я заморгала.

Вот уж кто-кто, а я точно не планировала никого ни в чем ограничивать, даже в саморазрушении. Просто хотела дожить до следующей сессии, выучить трудовое право, закрыть папин долг... А оказалась в эпицентре бури по имени "Арсений".

Но Пал Палыч ждал какого-то ответа, а я вдруг почувствовала стыд за эту игру. Притворяюсь тут девушкой Арсения зачем-то, когда перед нами образец настоящей любви.

В груди вдруг что-то кольнуло. Тепло так. Захотелось чтобы и обо мне кто-то вот так рассказывал и смотрел с такой же взрослой, надёжной любовью в глазах.

— Я... — промямлила тихо.

— Я помог Кире выпутаться из сомнительной истории и с тех пор приглядываю, а она меня доводит, — ответил Арсений за нас двоих.

— У нас со Златой тоже был такой этап, — сказал Пал Палыч и хлопнул Арсения по плечу с доброй улыбкой. — Крепись, когда-нибудь это кончится. Только не прое... кхм... не пропусти своё счастье, и если уж поймал, то держи крепко.

Они переглянулись как-то многозначно. А потом Пал Палыч встал из-за стола, приобнял меня:

— Приходите на выставку, Злата будет рада.

— Передавай ей привет, — сказал Арсений. — И мелким тоже.

Они кивнули друг другу, и он ушёл.

А мы с Арсением остались вдвоём.

Официант поставил на стол брусничный чай и черничный пирог.

Поворачиваться к Арсению лицом было страшно.

— Прости, — сказала я, глядя в блюдо с пирогом. — Не знаю, что на меня нашло.

— Запиши в список дел эту выставку, и выясни, где она находится, — как-то устало ответил Арсений.

— Хорошо... — ответила я.

И мы замолчали.

Пирог Арсений не ел. Просто сидел и пил чай.

Я же на нервах съела и свой кусок, и теперь ковыряла кусочек Арсения. Не самого Арсения. Его пирога. Но по ощущениям, будто ковырялась у себя в душе.

Теперь всю жизнь буду ненавидеть черничные пироги!

Мы сидели молча. Чай остывал, пирог смотрел на меня с упрёком. Арсений был где-то в себе, отстранённый, как будто между нами снова выросла стена. Я решила не пытаться её разобрать — сил не осталось.

В этот момент пришло сообщение от Иры:

"Вечерняя пара отменяется, препод заболел. Ура!"

Я уставилась в экран, а потом на Арсения.

— У меня пара отменилась, — тихо сказала я.

— Хорошо. Тогда поехали. За продуктами. И домой.

Он встал, я за ним. Не дожидаясь счёта, Арсений отдал официанту крупную купюру, коротко кивнул в знак прощания и направился к выходу.

На улице было ещё холоднее, чем днём. Пахло зимой.

Мы шли к магазину не быстро, почти в унисон, не глядя друг на друга.

Как будто вся ярость, и игра, и дерзость остались там, за столиком. А теперь была только тишина. Не неловкая. Просто тишина после отдачи. Как после выстрела. Как после шторма.

— Что нужно купить? — спросил он, когда я села в машину.

— Эм...

— Ясно.

Он сказал это таким сухим тоном, что я вдруг фыркнула. А потом хохотнула.

Это из-за нервов!

— Прости... просто... контраст.

— Контраст — это моя жизнь с момента твоего появления, Лебедева.

И, пожалуй, это был почти комплимент.

Супермаркет встретил нас холодным светом ламп и запахом выпечки. Я взяла тележку, но Арсений сразу же отобрал её у меня, будто даже здесь не собирался уступать контроль.

— Какой хлеб? — спросил он у полки.

— Бездрожжевой. Или тот, что с кунжутом...

Он молча взял сразу оба варианта.

— Ты всегда так? — не выдержала я.

— Как?

— Решительный. Как будто даже в булке не сомневаешься.

— В булке — нет. В людях бывает.

Я замолчала.

Но потом пробормотала:

— Страшно представить, кем надо быть, чтобы утратить твоё булочное доверие.

— Да, однажды батон меня предал. С тех пор только багеты и проверенные сорта.

Он даже не улыбнулся, сказал это абсолютно серьёзно, и я захохотала.

Арсений пошёл дальше, как танк, по нашему воображаемому списку, выбирая макароны (пенне, конечно же, никакой лапши), мимоходом прихватил масло, сыр, томаты, гречку, яйца. Выглядел так, будто всю жизнь только этим и занимался.

Я, чувствуя себя практиканткой в гастрономической академии, положила лук, морковь, специи, потом сметану, творог и соевый соус.

— Я ещё яблок хочу, — сказала я чуть тише.

— Пошли за яблоками.

У кассы он сам всё разложил, оплатил. Я даже пикнуть не успела.

На выходе он протянул мне лёгкий пакет, а себе забрал три остальных. Снова молча.

Он открыл багажник, мы убрали пакеты.

И мне было как-то уютно...

Сели в машину, и играла эта его вечная классика, но я подключила свой телефон и врубила свою музыку, которой стала подпевать.

Арсений уже не был угрюмым, смеялся надо мной.

Ну и ладно. Пусть смеётся. Это лучше, чем грустить.

В квартире я сразу пошла на кухню, чтобы заняться продуктами. Что-то нужно было делать руками, чтобы не расплескать ту бурю, которая всё ещё ворочалась внутри.

Но Арсений тоже пошёл. Мы начали разбирать продукты по полкам и столкнулись у холодильника.

Всего на мгновение, но наши взгляды встретились, словно две планеты столкнулись в открытом космосе, и...

Арсений не стал ничего говорить. Он действовал. Одной рукой он захлопнул дверцу холодильника сзади меня, а другой — обхватил мою талию и резко притянул к себе...

Глава 19. Сорвали стоп-кран

Арсений подсадил меня на кухонный стол. Пакет с яблоками рухнул на пол, фрукты покатались по кафелю.

— Арс... — успела выдохнуть я, но его рот уже накрыл мой.

Это не был поцелуй в ресторане — тот был демонстрацией, игрой на публику. Этот был настоящим. Голодным. Безжалостным. Сносящим крышу. Напрочь. Пожизненно.

Его губы двигались властно, язык вторгся в мой рот, оставляя послевкусие брусничного чая и всех запретов вылитых в одного конкретного человека, с которым мне целоваться было строго настрого запрещено.

Но Арсения не волновали мои внутренние сомнения. Пока я сомневалась — он действовал.

Его руки скользнули под мою рубашку, ладони, горячие и шершавые, впились в кожу на боках, привлекая меня ближе к его твёрдому телу.

Я как-то случайно обвила его шею руками, вцепилась в волосы — короткие, жёсткие. И тоже начала пить его дыхание.

Всё внутри перевернулось, стоило только поддаться, стоило только показать, что мне нравится.

Соппротивление испарилось, будто его и не было.

Остался только этот жгучий, всепоглощающий голод, который теперь будет моим вечным другом, ведь СПАТЬ с преподом я не собираюсь.

Не знаю, как мои действия сочетались с моими планами на жизнь, но я отвечала Арсу с яростью, достойной самой... в общем самой страстной женщины. Прикусила его губу, и услышала сдавленный стон.

Арсений вообще, кажется, не испытывал никаких душевных терзаний — раздвинул мои бёдра, встав между ними, и прижал меня к себе так плотно, что через слои одежды я чувствовала его твёрдое, не скрываемое больше возбуждение.

Его руки опустились ниже, обхватив мои бёдра, пальцы впились в кожу через ткань брюк. Дыши, Кира, дыши!..

— Кира, — прошептал он, отрываясь на секунду, его дыхание было горячим и прерывистым. Его лоб прижался к моему. В глазах, тёмных, почти чёрных от зрачков, не было ни расчёта, ни насмешки. Только чистая, неконтролируемая потребность. — Я больше не могу.

— Я тоже, — выдохнула я, не узнавая свой голос — низкий, хриплый.

И он снова поцеловал меня, но теперь медленнее, глубже, как будто пробуя на вкус мою капитуляцию. Одна его рука осталась на моём бедре, сжимая его почти до боли, а другая поднялась к моему лицу, большим пальцем проводя по моей раскалённой щеке, затем по зацелованным губам.

Но я, когда говорила, что больше не могу... я не знаю, что имела в виду!

А он!..

Вдруг его руки потянулись к застёжке моих брюк.

Я испуганно схватила его за запястье.

— Нет...

Но наш бешеный поцелуй на столе продолжался, и я... я теперь уже лежала лопатками касаясь столешницы, а Арсений отчаянно быстро расстёгивал мою рубашку.

Мир летел в тартарары со скоростью света.

Он целовал мою шею, упирался в меня пахом, опускался губами всё ниже. А я не могла ни сама остановиться, ни его остановить уж тем более.

Кажется, что-то ещё полетело со стола. Кажется, что-то разбилось. Сердце моё наверное.

Арсений подсунил руки под мою спину и резво справился с застёжкой бюстгальтера. Сам лифчик был грубо сдвинут в сторону.

Мы встретились взглядами, когда Арсений огладил мою грудь шершавыми ладонями, слегка сжал...

Я не могла говорить. Забыла, как слова произносятся! Окоченела. Застыла. Замерла. Заморозили меня его глаза цвета льда и то восхищение, что в них читалось, когда он опустил взгляд ниже, а затем и рот... сразу на грудь, заставив меня вздрогнуть, выгнуться, застонать, до боли сжать край столешницы.

А этот гадский профессор ещё и прикусить сосок вздумал, срывая меня в бездну отчаяния.

Как я после этого ему в глаза буду смотреть?

Как я после этого вообще жить буду?

Он посасывал мою грудь, сжимал ягодицы, касался моей кожи зубами и языком, он выпил все мои нервы, всё беспокойство, все мысли, что осталось только удовольствие. Бешенное, пульсирующее внизу живота, живое...

Но когда он снова начал растёгивать мне брюки, начал спускаться по животу губами к самой кромке трусиков, которые сейчас были очень влажными.

— Нет, Арс... я...

— Идём на кровать.

И он подхватил меня на руки.

Мне ничего не оставалось, как обхватить его талию ногами, пока он нёс меня в спальню.

Вот так и кончится моя девственность?

Вот сейчас?

Он опустил меня на кровать и начал снимать брюки, снимать трусы, снимать всё на свете, оставаясь передо мной абсолютно голым. Он не стеснялся своего тела, да там и не из-за чего стесняться... А я жадно смотрела, прижимая колени к обнажённой груди. Он был идеальным.

Широкие мышцы груди, выраженные косые мышцы живота и... крупный член, который так и манил посмотреть на него.

— Не прячься, — его голос был низким, хриплым от желания.

Он медленно подошел к кровати, опустился на колени. Его руки обхватили мои лодыжки, пальцы провели по икрам, заставив дрожать каждую клеточку моей кожи. Он не торопился, растягивая каждый момент, каждый вздох. Потянул осторожно за ногу...

Глава 20. Девственница

Мир сузился до томительной тяжести внизу живота, которая превратилась в сладкую пульсирующую волну.

— Иди ко мне, — сказал Арс, осторожно вытягивая одну мою ногу, потом вторую.

Я с трудом осознала, что его бёдра теперь... между моих!

Одним плавным, но неумолимым рывком он подтянул меня ближе, заставив резко и глухо выдохнуть.

— Я... я не... — начала я, пытаюсь поймать хоть одну здравую мысль в этом водовороте. Но он приложил палец к моим губам.

— Молчи. Просто чувствуй.

И я чувствовала.

Чувствовала, как его ладони скользят вниз, к застёжке моих брюк.

Чувствовала, как он расстёгивает их и перекидывает одну мою ногу через плечо, чтобы стянуть с меня штаны.

Со стороны это — я, в одних только трусиках, с ногой на его могучем плече — было настолько неправдоподобно эротичным, что ощущалось, как ненастоящее.

Я чувствовала его прожигающий взгляд на моём белье.

Чувствовала горячий поцелуй на внутренней стороне бедра, у моего колена и выше, и выше, и выше...

Я должна была сказать ему, чтобы прекратил.

Сказать, что нельзя так.

Что...

Горячее дыхание подобралось к самой сокровенной части меня, прикрытой т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.